

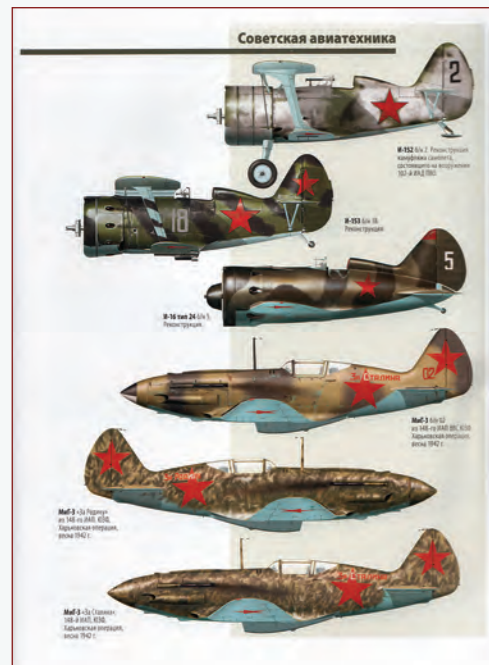
ВОЗДУШНЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА: СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА



Обложка книги

В ОСНОВУ нового издания* об участии авиации в Сталинградской битве положены в большинстве своём материалы из российских архивов. Изучая документы, автор по-новому попытался взглянуть на это историческое событие. Действия авиации в сражении на Волге рассматриваются в контексте «наземных» событий. Издание дополнено фотографиями из частных и государственных архивов, картами, схемами, цветными изображениями самолётов обеих противоборствующих сторон и имеет все атрибуты справочного издания: приложения, библиографию, именной указатель, список сокращений. Надо особо отметить высококачественное художественно-полиграфическое исполнение макета книги и печать. Уникальное издание книги В. Раткина «Авиация в Сталинградской битве» заинтересует всех специалистов-историков и любителей авиации.

* Раткин В.М. Авиация в Сталинградской битве: (истор. исслед.). М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2013. 288 с., ил.



Страницы издания



Ежемесячное издание Министерства обороны Российской Федерации

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи Почты России.

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» — 70137.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97 E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» — на сайте www.history.milportal.ru, на сайте Министерства обороны РФ www.mil.ru и на сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru



ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Июль № 7 2014

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Страницы истории отечественного ВМФ

Влияние афганского фактора на экономические процессы в СССР в 1980—1992 гг.

Сибирский военный округ (1899—1906 гг.)

Проблемы советской военной стратегии в публикациях 1920-х годов

Ледовые аэродромы: мифы и реальность

Тройственный союз в истории Европы

Судьба флагмана 2 ранга Г.В. Васильева

Морские сигналы в эпоху парусного флота

ISSN-0321-0626



Взятие в плен шведского контр-адмирала Эреншёльда в Гангутском сражении 1714 г. Художник Р. Кер Портер. Центральный военно-морской музей. Санкт-Петербург

Военно-исторический журнал 2014 № 7 июль

27 июля — День Военно-морского флота

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА	
Развитие морской сигнализации <i>Development of maritime signalling</i> Российские символы и награды <i>Russian symbols and awards</i>	2-я стр. обл. 2-я стр. цв. вкл.
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
«Русский флот впервые» <i>«Russian Navy for the first time»</i>	4-я стр. цв. вкл.
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
С.Л. ТАШЛЫКОВ, А.А. КОРЯКОВЦЕВ — «Хороший флот предупреждает самую возможность войны». Страницы истории отечественного ВМФ: 50 лет на боевой службе S.L. TASHLYKOV, A.A. KORYAKOVTCSEV — <i>“Good Navy warns the very possibility of war”</i> . Pages of the history of the domestic Navy: 50 years on active service	3
ЭКОНОМИКА И ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ	
В.М. ТОПОРКОВ — «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы...». Влияние афганского фактора на экономические процессы в СССР в 1980—1992 гг. V.M. TOPORKOV — <i>“There is no chance that arms race could deplete Soviet material and intellectual reserves...”</i> . Afghan factor’s influence on economic processes in the USSR in 1980—1992	10
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
Р.С. АВИЛОВ — Сибирский военный округ (1899—1906 гг.): страницы истории R.S. AVILOV — <i>Siberian Military District (1899—1906): pages of history</i>	15
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО	
И.С. БАКЛАНОВА — Проблемы советской военной стратегии в публикациях 1920-х годов I.S. BAKLANOVA — <i>Problems of Soviet military strategy in the 1920s publications</i>	22
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	
В.Г. ЕГОРОВ, В.В. РУДОЙ, Ю.Г. СОПИН — «Боевой опыт придал положительный импульс послевоенному кораблестроению». Использование подводных лодок командованием Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. V.G. YEGOROV, V.V. RUDOU, Yu.G. SOPIN — <i>“Combat experience gave a positive impetus to postwar shipbuilding”</i> . Submarines’ using by the command of the Baltic Fleet in the Great Patriotic War of 1941—1945	27
ШЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»	
А.В. САМОХИН — Ледовые аэродромы: мифы и реальность A.V. SAMOKHIN — <i>Ice airfields: myths and realities</i>	31
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
А.Н. ЩЕРБА, С.Н. КОВАЛЁВ — «Опасный враг русских и славян». Тройственный союз в истории Европы A.N. SHCHERBA, S.N. KOVALYOV — <i>“The dangerous enemy of the Russians and Slavs”</i> . The Tripartite Alliance in the history of Europe	33
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	
О.Е. АЛПЕЕВ — Введение военной игры в качестве обязательной формы подготовки генералов и офицеров в русской армии накануне Первой мировой войны (1906—1914 гг.) O.Ye. ALPEYEV — <i>Introduction of war game as a compulsory form of training of generals and officers in the Russian army on the eve of World War I (1906—1914)</i>	40
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО	
К.К. ПОЛЕЩУК — «Сердечная отзывчивость к славе армии». Сотрудничество московского городского головы Н.А. Алексеяева с российскими военными K.K. POLESHCHYUK — <i>“Heartfelt responsiveness to the glory of army”</i> . Cooperation Moscow mayor N.A. Alekseyev with the Russian military	45
ИМЕНА И СУДЬБЫ	
С.С. БЛИЗНИЧЕНКО — «Служба была целью моей жизни». Судьба флагмана 2 ранга Г.В. Васильева S.S. BLIZNICHENKO — <i>“Service was the purpose of my life”</i> . The fate of Flagman 2 Rank G.V. Vasilyev	50
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
Р.Ю. ПОЛЯКОВ — «Ежедневно с фронта прибывают целыми эшелонами измученные, полужамёрзшие, частью полумёртвые солдаты» R.Yu. POLYAKOV — <i>“Every day exhausted, half-frozen, partly half-dead soldiers are arriving in entire trains from the front”</i>	56
Г.А. ГРЕБЕНЩИКОВА — Морские сигналы в эпоху парусного флота G.A. GREBENSHCHIKOVA — <i>Ocean signals in the era of sailing ships</i>	60
РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
М.В. КРОТОВА — «Оживление деятельности белогвардейцев вызвано... ухудшением международного положения СССР». Русская эмиграция в Маньчжурии: планы вооружённой борьбы с Советским Союзом в 1920-е годы M.V. KROTOVA — <i>“Revitalisation of the White Guards’ activities is caused by... deterioration of the international situation of the USSR”</i> . Russian emigration to Manchuria: plans of the armed struggle against the Soviet Union in the 1920s	64
В.Н. СЕЛЕДЦОВА — «Пронизанные духом России...». Ученические издания кадет русского зарубежья V.N. SELEDTSOVA — <i>“Imbued with the spirit of Russia...”</i> . Russian cadets’ editions of the Russian abroad	68
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	
«Под селом Бородиным в генеральном сражении и отбитии нашей батареи... на которой взят был французский генерал Бонами, которого я арестовал» (Публикация В.П. МЯСНИКОВА) <i>“Near the village of Borodino in the general battle and repulsing of our battery... at which French General Bonamy was taken prisoner by us and arrested by me”</i> (Publication of V.P. MYASNIKOV)	71
МУНДИР ОТЕЧЕСТВА	
В.Г. ДАНЧЕНКО — Европейские истоки форменной одежды служащих русского флота в начале XVIII века V.G. DANCHENKO — <i>European origins of uniforms of the Russian Navy’s servants at the beginning of the XVIIIth century</i>	76
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ	
Е.В. БЕЙ — Похороны мундира Ye.V. BEY — <i>Funeral of the full dress uniform</i>	78
МУНДИР ОТЕЧЕСТВА	
Особое «морское» мундирное платье <i>Special “sea” uniform dress</i>	3-я стр. обл.
ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ	
Воздушные войны XX века: Сталинградская битва <i>Air wars in the XXth century: the Battle of Stalingrad</i>	4-я стр. обл.

«ХОРОШИЙ ФЛОТ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ САМУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЙНЫ»

Страницы истории отечественного ВМФ: 50 лет на боевой службе

Аннотация. В статье исследуется исторический опыт несения советским Военно-морским флотом боевой службы в удалённых районах Мирового океана.

Ключевые слова: послевоенный период; «холодная война»; ВМФ; Мировой океан; боевая служба.

Summary. This article examines the historical experience of executing combat service by the Soviet Navy in remote areas of the World ocean.

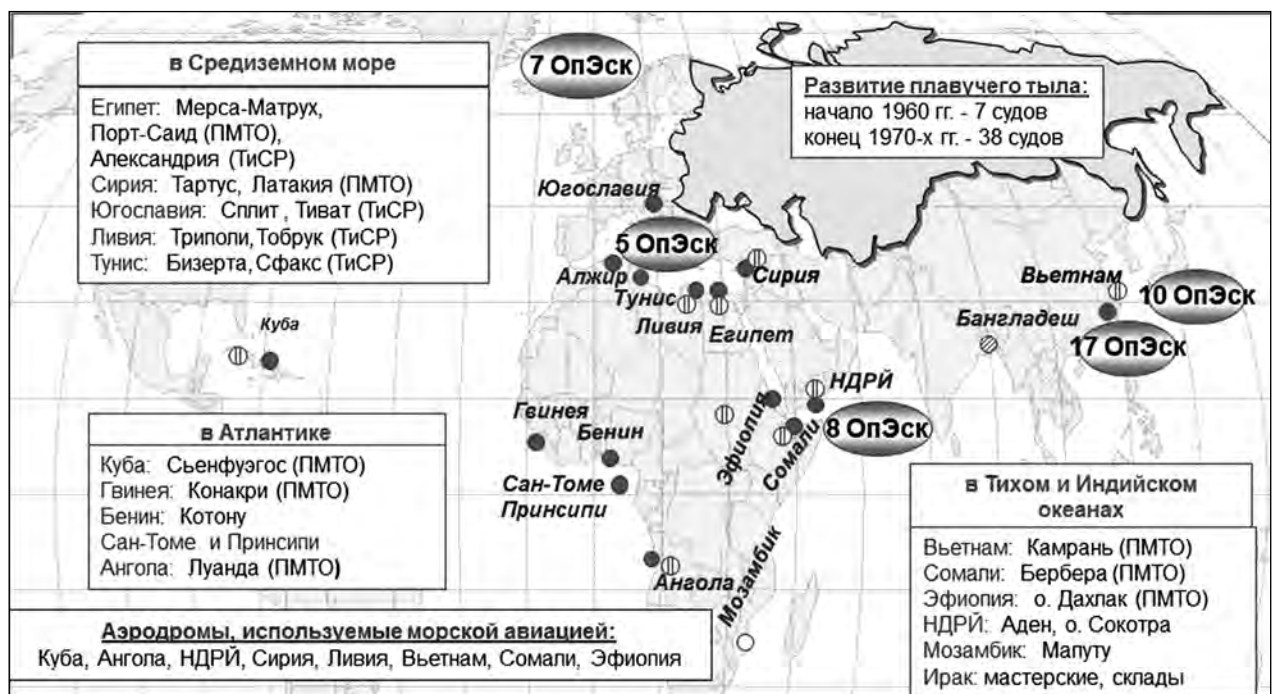
Keywords: post-war period; "cold war"; Navy; World ocean; combat service.

ПОСЛЕ окончания Второй мировой войны противостояние двух мировых систем, переросшее в так называемую холодную войну, вынудило советское военно-политическое руководство принять меры к снижению угроз национальной безопасности, в том числе на океанских направлениях. При этом посылка воинских контингентов в районы вооружённых конфликтов была связана с конкретными обязательствами перед дружественными странами. Пригодился, можно сказать, пример Соединённых Штатов Америки, чьё военно-морское присутствие в стратегически важных районах Мирового океана стало постоянным и мобильным. Так возникла, а затем и претворилась в реальный фактор идея использования Военно-морского флота (ВМФ) для несения в интересах национальной безопасности боевой службы в морях и океанах. В этой связи уместно вспомнить высказывание одного из исследователей темы и известных публикаторов относительно значения ВМФ: «Как стрела на далёком расстоянии предупреждает меч — хороший флот предупреждает самую возможность войны».

Основными преимуществами сил флота по сравнению с другими видами вооружённых сил являются: высокая мобильность, способность длительное время находиться в районах вероятных (или реальных) военных действий за пределами национальных границ других государств, не нарушая при этом их суверенитета и не вызывая международных осложнений. Для реализации этих преимуществ необходимо было обеспечить деятельность ВМФ СССР далеко за пределами ближних морских зон, однако в первое послевоенное десятилетие по своему составу и возможностям он оставался флотом прибрежного действия.

Тем не менее с 1950-х годов начала формироваться концепция присутствия советского ВМФ в Мировом океане. Первоначально изучались обстановки, оперативное построение, формы применения и способы действий группировок ВМС США и их союзников в Атлантическом и Тихоокеанском районах. Затем начиная с 1956-го подводные лодки (ПЛ) Северного (СФ) и Тихоокеанского (ТОФ) флотов стали совершать одиночные походы на

Пункты маневренного базирования и МТО ВМФ СССР в 1970-х — 1980-х гг.



«НЕТ НИКАКИХ ШАНСОВ, ЧТО ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ МОЖЕТ ИСТОЩИТЬ СОВЕТСКИЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕЗЕРВЫ...»

Влияние афганского фактора
на экономические процессы в СССР в 1980—1992 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются советско-афганские отношения в 1970—1980 гг., анализируются уровень и спектр затрат СССР на поддержку просоветского режима Афганистана, а также расходов на Афганскую войну 1979—1989 гг. При этом автор приходит к выводу, что афганский фактор не мог стать причиной дестабилизации советской экономики и последующего развала Советского Союза.

Ключевые слова: советско-афганские отношения; Ограниченный контингент советских войск в Афганистане; Афганская война 1979—1989 гг.; 40-я армия; президент М. Наджибулла.

Summary. The article examines the Soviet-Afghan relations in 1970—1980s, analyses the level and range of the cost of the USSR to support the pro-Soviet regime in Afghanistan, as well as costs for the 1979—1989 Afghan war. The author concludes that the Afghan factor could not cause destabilization of the Soviet economy and the subsequent collapse of the Soviet Union.

Keywords: Soviet-Afghan relations; limited contingent of Soviet troops in Afghanistan; Afghan War 1979—1989; 40th Army; President M. Najibullah.

Ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 года положил начало длительному процессу, сыгравшему в истории Советского Союза неоднозначную роль. Прямое участие СССР во внутриафганском конфликте породило так называемый афганский фактор, воздействие которого на судьбу советского государства историками и специалистами ныне оценивается по-разному: от «решающего» и «важнейшего» до «одного из факторов». В предлагаемой вниманию читателей статье автор на основе проведённого исследования советско-афганских отношений периода 1975—1992 гг. с достаточно высокой степенью достоверности определяет суммы финансовых затрат СССР, косвенно влиявших на уже обострившиеся проблемы в советской экономике, но не ставших, по его мнению, фатальными в судьбе Советского Союза.

НЕГАТИВНЫЕ тенденции в экономике СССР, связанные с замедлением темпов промышленного развития и ростом военных расходов, стали проявляться ещё задолго до начала афганской эпопеи. Партийно-государственное руководство, казалось бы, понимало суть происходивших процессов, но в силу ряда причин продолжало проводить традиционную внутреннюю и внешнюю политику, обосновывая её защитой чистоты марксизма-ленинизма. Вместе с тем, что касается афганской проблемы, советские руководители трезво оценивали возможные последствия ввода войск в ДРА. Так, на заседании Политбюро ЦК КПСС 19 марта 1979 года Л.И. Брежнев, подводя итоги трёхдневного обсуждения афганской темы, говорил: «Был поставлен вопрос о непо-

средственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне думается, что... нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну. Надо объяснить... афганским товарищам, что мы можем помочь им всем, что необходимо... Участие наших войск в Афганистане может нанести вред не только нам, но и прежде всего им»¹. Тем не менее спустя девять месяцев решение о вводе войск в ДРА всё же было принято.

США сразу же начали активную кампанию по компрометации советской внешней политики, привлекая к реализации своего курса западные и другие страны и применяя все формы давления на Москву, включая экономические санкции. В частности, прямые потери Советского Союза в валюте, вызванные эмбарго США на поставки в СССР зерна, составили в 1980 году 2 млрд долларов. Ощутимые потери были понесены и в результате ограничений на закупку американской техники и технологий². США настолько были уверены в негативном воздействии своей политики на СССР, что вице-президент Д. Куэйл на 16-й конференции Национального комитета политических действий 27 февраля 1989 года с удовлетворением отмечал, что события в Венгрии, Польше и в самом СССР связаны с его поражением в Афганистане³. Некоторые западные авторы прямо утверждают, что развал Советского Союза произошёл в результате политики США: «Если бы Кремлю не пришлось сопротивляться совокупному эффекту СОИ и расширению оборонного арсенала, геополитическим неудачам в Польше и Афганистане, потере десятков миллиардов долларов в твёрдой валюте, получаемой за экспорт энергии, и ограничению доступа к технологии, можно было бы, не боясь ошибиться, предположить, что ему удалось бы выжить. Советский коммунизм не был организмом, способным на самопожирание ни в какой международной

СИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ (1899—1906 гг.): СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье освещаются вопросы создания Сибирского военного округа и его деятельности в 1899—1906 гг. в контексте преобразований местного военного управления и развития внешнеполитической обстановки на восточных рубежах Российской империи.

Ключевые слова: Сибирь; военно-административное деление Российской империи; Сибирский военный округ.

Summary. The article highlights the issues of creation of the Siberian Military District and its activities in 1899—1906 in the context of transformation of the local military administration and development of foreign policy situation in the eastern borders of the Russian Empire.

Keywords: Siberia; military-administrative division of the Russian Empire; Siberian Military District.

В 60-х годах XIX века обширная территория Российской империи получила новое военно-административное устройство, связанное с созданием военно-окружной системы. Реформа охватила и огромные территории за Уралом, растянувшиеся до Тихого океана. В «Военно-историческом журнале» № 12 за 2013 год была опубликована статья об одном из восточных военно-административных образований — Восточном Сибирском военном округе (1865—1884). Хотелось бы продолжить эту тему, обратившись теперь к Сибирскому военному округу, специальные публикации о котором почти отсутствуют¹. На примере Сибирского военного округа, как нам представляется, есть возможность исследовать опыт военно-административного устройства сибирской территории с учётом внешнеполитических интересов России в данном регионе и местных внутренних особенностей. Изучение этого опыта, хотя он и был признан к окончанию Русско-японской войны малоудачным, представляет далеко не только академический интерес.

После военно-окружной реформы 1862—1865 гг. Российская империя была поделена на 14 военных округов, однако их число и границы не были стабильными. Это в полной мере относилось и к Сибири, на территории которой сначала, в 1865 году, были созданы Западный и Восточный Сибирские военные округа. Вскоре после того, как Д.А. Милютин на посту военного министра сменил П.С. Ванновский, под руководством последнего началось усовершенствование военно-административного деления. Работа проводилась в соответствии с пятью основными Высочайше одобренными указами, первым среди которых значилось: «Уменьшить число существующих военных округов». Цель — «достигнуть сбережения в расходах, отнюдь не допуская увеличения военного бюджета»². В 1882 году Западный Сибирский военный округ был переименован в Омский военный округ с присоединением к нему Семиреченской области. В 1884 году Восточный Сибирский военный округ разделили на Иркутский и Приамурский.

На практике разделение на военные округа азиатской части империи менялось не по финансовым,

а по стратегическим соображениям. Главной причиной создания Омского военного округа была необходимость «Объединения в руках одного главного начальника всего военного управления в губерниях и областях, граничащих с Западным Китаем». Мероприятие было прямым следствием Кульджинского кризиса 1879—1881 гг. в связи со спором между Россией и Китаем по поводу принадлежности Илийского (Кульджинского) края³. Восточный Сибирский военный округ разделили на Иркутский и Приамурский тоже из-за обострения внешнеполитической ситуации на восточных границах России и угрозы войны одновременно с Китаем и Великобританией⁴. Японо-китайская война 1894—1895 гг. и вызванная ею мобилизация войск Приамурского военного округа весной 1895 года заставили российских политиков и генералов по-новому взглянуть и на Японию как потенциального противника в регионе, и на обороноспособность дальневосточных рубежей империи. В результате началась работа по подготовке переустройства военных округов в азиатской части империи. Завершать начатые преобразования Ванновскому, вышедшему в отставку 1 января 1898 года по состоянию здоровья, уже не пришлось.

Поскольку резкое усиление российского военного присутствия на Дальнем Востоке, и прежде всего усиление войск Приамурского военного округа, а с 1898 года — и Квантунской области, требовало значительных финансовых средств, то на «тыловых» округах, каковыми изначально мыслились Иркутский и Омский военные округа, решили немного сэкономить, но, как мы увидим, практически это сделать не удалось.

Разработка вопроса о реорганизации азиатских военных округов началась в 1897 году, когда «вместо существующих ныне 4-х округов и Закаспийской области было предположено образовать всего три: Приамурский, Сибирский и Туркестанский, с упразднением Иркутского и со включением в состав Туркестанского военного округа Семиреченской и Закаспийской областей». 26 декабря 1897 года последовал Высочайший указ Правительствующему сенату, который предписывал военному министру определить сроки и подробности проведения предполагавшейся реформы⁵.

Эту работу продолжили в Азиатской части Главного штаба и в 1898 году, когда и сформулировали основные положения планировавшихся преобразований. Было решено упразднить иркутское окружное управление, и все расположенные на территории

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ В ПУБЛИКАЦИЯХ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. Автор анализирует отражение взглядов советских военачальников и теоретиков на характер советской военной стратегии в публикациях 1920-х годов.

Ключевые слова: советская военная стратегия; М.Н. Тухачевский; М.В. Фрунзе; Н.Е. Какурин; А.А. Свечин.

Summary. The author analyses the views of Soviet military leaders and theorists on the nature of Soviet military strategy in the publications of the 1920s.

Keywords: Soviet military strategy; M.N. Tukhachevsky; M.V. Frunze; N.Ye. Kakurin; A.A. Svechin.

РАЗРАБОТКА военной стратегии Страны Советов как социалистического государства в 1920-е годы базировалась на представлениях о её особом характере, определявшемся принципиально иной, нежели капиталистическая, социальной и политической основой. Эти взгляды опирались на высказанные Ф. Энгельсом и развитые В.И. Лениным идеи о создании победившим пролетариатом своего особого, пролетарского способа ведения войны¹.

Первым, кто, как писал Н.Е. Какурин, «установил и ввёл ряд новых понятий» в области стратегии, стал М.Н. Тухачевский².

Сначала это были попытки расширить представления о стратегии за счёт марксистской теории, а также, как писал М.Н. Тухачевский, «новых данных стратегии Гражданской войны, которых нам раньше не приходилось учитывать»³. В дальнейшем речь шла об «учении о красной стратегии»⁴.

Отправной точкой рассуждений М.Н. Тухачевского стало, по-видимому, следующее положение, отражённое в работе «Вопросы современной стратегии»: характер войны напрямую зависит от ступени общественного развития, на которой находится страна, каждой эпохе соответствует своя стратегия⁵.

Новую эпоху Тухачевский охарактеризовал как время «социалистических революций и социалистических войн на пути к мировому распространению революции»⁶, когда в результате пролетарского вооружённого восстания победивший класс берёт власть в свои руки и начинает создавать армию, с чего начинается гражданская война⁷. Затем Тухачевский уточнил, что «настоящая» гражданская война возникает только после того, как диктатура пролетариата «стала действительностью»⁸, по мере упрочения власти рабочего класса масштабы вооружённого классового противостояния расширяются на территории других государств. Буржуазия, по мнению Тухачевского, не могла допустить существования социалистического «острова» среди «моря» капиталистических государств, её непримиримость породила альтернативу: пролетариат путём гражданской войны распространит социалистическую революцию во всём мире или погибнет⁹, гражданская война будет идти непрерывно «вплоть до отмирания государства, классов и армии», когда социалистический строй распространится «по всему миру»¹⁰, и закончится «лишь с завоеванием всемирной диктатуры про-

летариата»¹¹. Правда, Тухачевский признавал и «затишья» в этой борьбе.

Он считал, что отечественный пролетариат должен был «протянуть руку помощи» рабочему классу других стран, при этом «революция извне и революция изнутри» равнозначны для освобождения пролетариата, так как вступление революционной армии в пределы соседнего государства может закончиться низложением власти эксплуататоров и установлением диктатуры рабочего класса¹².

Впрочем, в работах Тухачевского есть и оговорки о том, что экспорт революции невозможен (хотя он не оперирует таким понятием, полагая, что любые действия для освобождения эксплуатируемых от власти эксплуататоров исторически справедливы): «Задумать насильственную социалистическую революцию невозможно». Даже в эпоху социалистических революций «революция извне» — это, по его мнению, только вооружённая помощь рабочему классу другой страны, который самостоятельно не мог справиться с буржуазной армией и жандармерией¹³.

Вместе с тем в начале 1930-х годов, критикуя профессора Военной академии имени М.В. Фрунзе А.А. Свечина, М.Н. Тухачевский с возмущением писал, что тот отказывает Советскому Союзу в сокрушении буржуазных противников: «Интервенция может угрожать СССР, и по Свечину это научно законно». Но капиталистические соседи СССР должны быть спокойны — СССР их не следует трогать!»¹⁴.

Перед началом «революции извне» Тухачевский считал необходимыми подготовительные мероприятия. Прежде всего, предлагал проанализировать степень готовности пролетариата и крестьянства к применению красной вооружённой силы. В статье «Статистика в гражданской войне» указывал на необходимость статистических исследований на основе классового подхода. По его мнению, национальный и религиозный вопросы в гражданских войнах будут стоять на втором плане¹⁵, тем не менее буржуазия может использовать лозунг «шовинистической» самозащиты от «империалистического нашествия», хотя Тухачевский считал, что социалистическая революция «назрела всюду», поэтому рабочий класс «может быть легко подготовлен к этому нашествию»¹⁶.

Он пришёл к выводу о том, что стратегия гражданской войны «исследует военные формы и средства, которыми восставший пролетариат защи-

«БОЕВОЙ ОПЫТ ПРИДАЛ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ИМПУЛЬС ПОСЛЕВОЕННОМУ КОРАБЛЕСТРОЕНИЮ»

Использование подводных лодок командованием Балтийского флота
в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Аннотация. В статье исследуются основные этапы совершенствования тактики применения подводных сил на Балтике, развития их вооружения и технических средств.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; Балтийский театр военных действий; БФ; ПЛС; морские коммуникации; подводные лодки; торпедное, минное и артиллерийское вооружение.

Summary. The article examines the main stages of improving tactics of submarine forces in the Baltic Sea, developing their weapons and equipment.

Keywords: Great Patriotic War of 1941—1945; Baltic theatre of operations; BF; anti-submarine forces; maritime communications; submarines; torpedo, mine and artillery weapons.

К КОНЦУ июня 1941 года, то есть ко времени нападения фашистской Германии на Советский Союз, на Краснознамённом Балтийском флоте (БФ) числилось 50 подводных лодок (ПЛ) различных типов, организационно сведённых в две отдельные бригады. Кроме того, ещё 15 лодкам производили различный ремонт¹. Необходимо также уточнить: с началом войны (июль—сентябрь 1941 г.) 8 боеготовых ПЛ БФ («С-101», «С-102», «Л-20», «Л-22», «К-3», «К-21», «К-22», «К-23») были переданы в состав Северного флота (СФ). По Беломорско-Балтийскому каналу их перебазировали из Кронштадта в Беломорск и далее в Полярный².

Оперативно-тактическая и тактическая подготовка подводников в предвоенный период проводилась главным образом на играх и групповых упражнениях, то есть «на картах»; совместные учения по отработке взаимодействия ПЛ с авиацией и надводными кораблями, в том числе в море, не проводились, поскольку ни Боевым уставом Морских сил (БУМС-37), ни Наставлением по ведению морских операций (НМО-40) такого рода задачи подводным силам флота не ставились в связи с отсутствием их теоретического обоснования (проработки)³. Так что уровень тактической подготовки личного состава в целом можно охарактеризовать как недостаточный. При этом лишь несколько ПЛ в мае 1941 года официально признавались кораблями первой ли-



Краснознамённая подводная лодка «Щ-406»

нии (были полностью боеспособными)⁴. Следовательно, начало войны большинство экипажей подлодок БФ встретили, пребывая в процессе отработки и сдачи первых курсовых задач в соответствии с Курсом боевой подготовки подводных лодок (КПЛ-41), и лишь отдельные приступили к выполнению торпедных и артиллерийских стрельб.

Нельзя не учитывать и количественный рост подводных сил ВМФ СССР в предвоенные годы. В связи с этим возникли следующие затруднения: опыта плавания в осенне-зимний период экипажи ПЛ, за исключением участвовавших в Советско-финляндской войне (1939—1940 гг.), не имели, поскольку боевая подготовка в море проводилась только летом; ряд командиров не имели опыта выхода в торпедную атаку на своём

корабле и со своим экипажем, а сами торпедные стрельбы выполнялись в упрощённых условиях (как правило, по тихоходному кораблю, шедшему постоянным курсом)⁵.

Только в конце мая 1941 года с перебазированием части подлодок в Усть-Двинск (Рижский залив) командование бригад приступило к форсированию боевой подготовки, в частности к отработке торпедных атак по быстроходным целям, которые обозначали эсминцы типа «Новик» — «Энгельс» и «Артём». Безусловно, все недостатки в боевой подготовке за столь небольшой период времени, оставшийся до начала войны, командованию и экипажам ПЛ устранить не удалось⁶.

Быстрое оставление советскими войсками значительной части территории СССР в опера-

ЛЕДОВЫЕ АЭРОДРОМЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена попыткам США и СССР использовать полярные льды для военных аэродромов в конце 1940-х — 1950-х годах.

Ключевые слова: СССР; США; Арктика; авиация; ледовые аэродромы.

Summary. The article is devoted to the attempts of the U.S. and the USSR to use polar ice for military airfields at the end of the 1940–1950s.

Keywords: USSR; USA; Arctic; aviation; ice airfields.

В ОВТОРОЙ половине 1940-х годов, когда основным средством доставки ядерного оружия была авиация, Советский Союз находился в более уязвимом положении, чем Соединённые Штаты. Американская авиация могла использовать аэродромы в ряде стран для ударов по нашей стране. У нас же не было аэродромов вблизи США, а дальность полёта бомбардировщиков была недостаточной для ударов по их территории.

В современных публикациях не раз тиражировалась информация о том, что по личному распоряжению И.В. Сталина на льдинах Северного Ледовитого океана началось строительство аэродромов подскока для бомбардировщиков, нацеленных на Америку¹. Профессор А.И. Уткин утверждает, что «скорее на западе Москва предполагала обороняться, а наступать — в Арктике»². А.А. Данилов и А.В. Пыжиков указывают на стремление И.В. Сталина наносить ядерные удары по США, используя аэродромы на льду Северного Ледовитого океана³. В числе источников такой информации — мемуары Н.С. Хрущёва⁴ и воспоминания участника событий Л.В. Касаткина, который утверждает, что ледовые аэродромы использовались советской дальней авиацией. Но из воспоминаний Касаткина неясно, о каком периоде идёт речь. Он сообщает о полётах Ту-4 и одновременно об американских атомных подводных лодках (а первая из них впервые вышла в море в 1955 г.), называет войска, дислоцировавшиеся в районах Мурманска и Архангельска, Северной группой войск, хотя это название носили советские войска в Польше, и т.д.⁵

Среди современных источников этой тематики выделяется книга профессора Ю.Н. Жукова «Сталин: арктический щит». Но, к сожалению, в последней главе автор обошёл стороной использование ледовых аэродромов⁶.



Лётчики и истребители Ла-11 на ледовом аэродроме

Анализ показывает, что военное направление советского освоения Арктики получило толчок в послевоенный период не в результате агрессивных замыслов Сталина, а в ответ на чреватую угрозой безопасности нашей страны военную активность США.

С весны 1946 года американские бомбардировщики начали поиски значительных по размерам прочных льдин, которые можно было использовать как вспомогательные аэродромы. Эта операция получила кодовое название «Белая куропатка».

На самой большой льдине 27 апреля 1947 года была создана первая американская дрейфующая станция. Американский ледовый аэродром, способный принимать самолёты, получил кодовое название «Т-3», а подходившие для посадки и взлётов льдины — «Target» (цель, мишень, задача). В том же году были созданы полярные станции Юрика, Резольют-бей, Изаксен, Моул-бей. Американцы начали полёты над Арктикой под эгидой постоянного объединённого совета обороны (США и Канады)⁷.

В 1952 году по инициативе и под руководством майора ВВС США Д. Флетчера была проведена операция «Сосулька». На гигантской льдине была создана целая плавучая авиабаза⁸.

Стратегия США в Арктике учитывала трудности создания надёжной системы противовоздушной обороны северной береговой линии СССР⁹. В 1950 году американские специалисты в аналитической записке президенту США отмечали, что «СССР не может пренебрегать военной стороной своей протяжённой границы на севере»¹⁰.

Наша страна вынуждена была искать ответ на американскую угрозу. Известный советский лётчик-полярник М.Н. Каминский в 1948 году в записке в Политуправление Главного управления Северного морского пути (Главсевморпути, ГУСМП) отмечал, что в связи с усиленным военным проникновением США в Арктический бассейн возникла острая необходимость обороны советской Арктики¹¹.

В том же 1948 году были приняты основные решения советского правительства о дальнейшем освоении

«ОПАСНЫЙ ВРАГ РУССКИХ И СЛАВЯН»

Тройственный союз в истории Европы

Аннотация. В статье анализируются события второй половины XIX в., связанные с созданием военно-политического объединения Германии, Австро-Венгрии и Италии, вошедшего в историю как Тройственный союз.

Ключевые слова: Европа; Бисмарк; Германия; Австро-Венгрия; Италия; Тройственный союз; Российская империя; Франция.

Summary. The article analyses the events of the second half of XIX century, associated with creation of the military-political unification of Germany, Austria-Hungary and Italy, which went down in history as the Triple Alliance.

Keywords: Europe; Bismarck; Germany; Austria-Hungary; Italy; Triple Alliance; Russian Empire; France.

Вторая половина XIX века стала временем бурного социально-экономического развития Пруссии, которая, объединив более мелкие немецкие королевства, княжества и вольные города, превратилась в Германию. Новая объединённая Германия быстро трансформировалась в мощную Германскую империю и объективно стала претендовать на гегемонию в Европе. После разгрома Франции в войне с Пруссией на Европейском континенте начали складываться новая расстановка сил и система взаимоотношений. Главным нарушителем старой системы европейского равновесия сил стала Германия, которая стремилась занять в политической системе Европы место, подобающее её многократно возросшему экономическому и военному потенциалу.

С 60-х годов XIX века основным приоритетом во внешней политике Пруссии, а затем и Германии был военно-политический союз с Российской империей. Две державы особенно сблизились после Польского восстания 1863 года, когда выступили единым фронтом против Великобритании и Франции, поддержавших польских повстанцев, что помогло предотвратить новую большую европейскую войну.

Однако по мере роста мощи и влияния Германии векторы интересов двух европейских империй стали расходиться. Россия не позволила Германии



Провозглашение Германской империи

завершить разгром Франции во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг. Германия в свою очередь заняла антироссийскую позицию после победоносной для России Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Недружественную позицию заняла Германия и при определении судьбы Болгарии, освобождённой от турецкого владычества благодаря победам русского оружия¹.

Большинство исследователей истории отношений России и Германии не отмечают ещё одного очень важного обстоятельства. Речь идёт об обострявшемся соперничестве на хлебном рынке Европы, где экспансия Германии возрастала быстрыми темпами. Это усугублялось мировым экономическим кризисом, первая волна которого пришла на 1872—1873 гг., а вторая — на 1875—1876 гг. Спрос на хлебные продукты в

Европе упал, что привело к значительному снижению цен². Доходы русских поставщиков хлеба резко сократились, а немецкая экспансия усилилась. Дело дошло до того, что в начале 80-х годов XIX века Россия вынуждена была ввести таможенные пошлины на германскую рожь³.

Вышеперечисленные события и целый ряд других факторов убеждали Германию в том, что Россия имеет свои чётко выраженные стратегические интересы и приоритеты в европейской политике и они не совпадают с её интересами. Надеяться же на то, что Российская империя будет покорно следовать в фарватере германской политики, не приходилось. Более того, после демарша Германии на Берлинском конгрессе имперский канцлер князь Бисмарк стал серьёзно опасаться возможного союза России и Фран-

ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОЙ ИГРЫ В КАЧЕСТВЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ ПОДГОТОВКИ ГЕНЕРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ В РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1906—1914 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается реформа военной игры в России в 1906—1914 гг. Анализируются причины, приведшие к введению военной игры в качестве обязательного занятия с офицерами Генерального штаба и строевыми командирами. Раскрывается роль в этом начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф.Ф. Палицына.

Ключевые слова: русская армия; подготовка; военная игра; Генеральный штаб; Ф.Ф. Палицын; стратегическое планирование.

Summary. This article discusses the reform of military games in Russia in 1906—1914. The author analyses the causes that led to introduction of war games as necessary studies with officers of the General Staff and combatant commanders, reveals the role in this of the Chief of the General Staff Lieutenant-General F.F. Palitsyn.

Keywords: Russian army; training; war game; General Staff; F.F. Palitsyn; strategic planning.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ война 1904—1905 гг. обнажила многочисленные изъяны военной машины Российской империи. Завершившиеся боевые действия продемонстрировали тактическую отсталость русских войск и неудовлетворительную организацию управления ими. Наибольшее нарекание вызывал уровень подготовки старших воинских начальников и офицеров Генерального штаба¹. С целью искоренения данных недостатков в 1905—1912 гг. военное ведомство провело масштабные реформы, направленные на улучшение организации войск и повышение уровня их материально-технического обеспечения².

Ф.Ф. Палицын



Особое внимание обращалось на повышение качества командного и начальствующего состава и штабных работников, для чего военный министр генерал-лейтенант А.Ф. Редигер инициировал чистку высших командных кадров армии. Важным шагом на пути реформирования вооружённых сил стало создание в 1905 году Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), специального планирующего органа. Возглавлявший его в 1905—1908 гг. начальник Генштаба генерал-лейтенант Ф.Ф. Палицын прекрасно осознавал несоответствие уровня знаний генштабистов требованиям современной войны, поэтому значительная часть его действий на новом посту была направлена на ликвидацию этого недостатка.

Ф.Ф. Палицын являлся одним из способнейших офицеров русского Генерального штаба. Он окончил Николаевскую академию Генерального штаба (НАГШ) в 1877 году, принимал участие в войне с Турцией на Кавказе. После завершения боевых действий в течение двадцати с лишним лет служил на штабных должностях в войсках гвардии и Петербургского военного округа. В 1895 году Палицын был назначен на должность начальника штаба генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича и занимал её в течение десяти лет. В случае войны с Тройственным союзом он должен был стать начальником штаба главнокомандующего армиями Северо-Запад-

ного фронта, ориентированного против Германии. На новом посту Палицын досконально изучил вооружённые силы вероятного противника и методы подготовки, принятые в прусско-германском генеральном штабе. Возглавив ГУГШ, он решил применить их для занятий с подчинёнными офицерами. Повысить уровень теоретической подготовки штабных работников он намеревался, превратив военную игру в обязательную форму занятий.

Первые шаги в этом направлении были сделаны Палицыным через год после назначения его начальником Генерального штаба. Зимой 1906/07 года он провёл большую стратегическую игру с офицерами ГУГШ, посвящённую действиям на восточно-прусской границе³. В марте 1907 года Палицын совершил поездку в штабы трёх важнейших пограничных военных округов — Виленского, Варшавского и Киевского, в ходе которой присутствовал на военных играх⁴. Поездка обнаружила неспособность окружных штабов организовывать и проводить такие занятия. Даже в штабе Варшавского округа, накопившем значительный опыт, довести игру до конца не удалось. Отчасти вина за это ложилась на плечи самого Палицына и ГУГШ, так как задания для игр разрабатывались в Петербурге и являлись слишком масштабными. Особенно неудачной признавалась организация игры при штабе Киевского военного округа, причиной чего являлось неприятие

«СЕРДЕЧНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ К СЛАВЕ АРМИИ»

Сотрудничество московского городского головы Н.А. Алексеева с российскими военными

Аннотация. В статье рассказывается о взаимодействии органов московского городского самоуправления и представителей российской армии в конце XIX столетия. Особое внимание уделено личности выдающегося общественного деятеля и благотворителя московского городского головы Н.А. Алексеева, активно сотрудничавшего с военными.

Ключевые слова: русская армия; Московская городская дума; городской голова Н.А. Алексеев.

Summary. The article describes interaction of the Moscow city self-government and representatives of the Russian army in the late XIX century. Particular attention is paid to the personality of the outstanding public figure and philanthropist Moscow city head N.A. Alekseyev, who actively cooperated with the military.

Keywords: Russian Army; Moscow City Duma; city head N.A. Alekseyev.

Одной из славных страниц истории Москвы второй половины XIX века стали взаимоотношения русской армии и Московской городской думы. Реформированное в 1860-е годы городское самоуправление играло заметную роль в общественной жизни Первопрестольной. В стенах думы обсуждалась не только хозяйственная тематика. Не однажды городской голова и гласные высказывались по вопросам внутренней и даже внешней политики. Так, в 1870 году московский городской голова князь В.А. Черкасский обратился к императору Александру II с адресом от лица Московской думы, в котором выражалась поддержка денонсации Россией позорного Парижского мира 1856 года. В военную пору думцы подкрепляли слова плодотворной работой. Так, с началом Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Московская дума пожертвовала на военные нужды 1 млн рублей. Были открыты 8 госпиталей на 1000 мест. Значительные суммы жертвовал один из основателей знаменитой галереи С.М. Третьяков, занимавший тогда пост московского городского головы¹. Содружество Москвы и армии укреплялось и в последующие годы. Яркий пример тому — деятельность Н.А. Алексеева.



Н.А. Алексеев

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ известной купеческой фамилии Николай Александрович Алексеев (1852—1893), будучи московским городским головой, стал инициатором реконструкции мытищинского водопровода и создания городской канализации, строительства новых городских боен и торговых рядов на Красной площади². За годы его деятельности в Москве были открыты 30 городских училищ и несколько больниц. Новое здание городской думы украсило Воскресенскую площадь³. Но всемерно благоустраивая гражданскую сферу, городской голова не забывал и о людях в погонах. Да, именно погоня и эполеты, аксельбанты и шевроны воинов русской армии сделали Алексеевых одной

из богатейших династий купеческой Москвы. С конца XVIII столетия на московской фабрике Алексеевых производили канитель — тончайшую провололочную серебряную или позолоченную медную нить, украшавшую мундирный прибор, воротники, обшлага, петлицы⁴. Сам же Николай Александрович, по свидетельству современника, чем-то походил на военного: «Высокий, плечистый, могучего сложения, с быстрыми движениями, с необычайно громким, звонким голосом, изобиловавшим бодрими, мажорными нотами, Алексеев был весь — быстрота, решимость и энергия... Какой-то наблюдательный остролов сказал, что русские председатели бывают двух типов: или отцы-ко-

мандиры, или сонные вахлаки. Алексеев относился, конечно, к первому типу»⁵. Предыдущий городской голова, знаменитый юрист Б.Н. Чичерин, так характеризовал своего преемника: «Очень умный, необыкновенно живой, даровитый, энергичный, неутомимый в работе... обладающий даром слова, он как будто создан был для того, чтобы командовать и распоряжаться»⁶. «Отец-командир» установил в Московской думе «алексеевский режим»⁷, стремясь единолично руководить коллегиальным органом.

Май 1886 года был отмечен знаменательным для москвичей событием — визитом царской семьи. Это было второе после коронации посещение Москвы императором Алексан-

«СЛУЖБА БЫЛА ЦЕЛЮ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Судьба флагмана 2 ранга Г.В. Васильева

Аннотация. В статье показан жизненный путь первого командира бригады подводных лодок советского Черноморского флота (1931–1937 гг.) флагмана 2 ранга Г.В. Васильева, необоснованно репрессированного в 1938 г.

Ключевые слова: флагман 2 ранга Г.В. Васильев; «военно-фашистский заговор»; политические репрессии в СССР.

Summary. The article shows the trajectory of life of the first submarine brigade's commander of the Soviet Black Sea Fleet (1931–1937) Flagman 2nd Rank G.V. Vasilyev, unreasonably repressed in 1938.

Keywords: Flagman 2nd Rank G.V. Vasilyev; "military fascist conspiracy"; political repressions in the Soviet Union.

Среди пионеров создания подводных сил Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ) выделяется фигура первого командира бригады подводных лодок (БПЛ) Черноморского флота (ЧФ) флагмана 2 ранга Г.В. Васильева, выпускника Морского кадетского корпуса, участника Первой мировой войны, оставшегося служить во флоте и после Октябрьской революции. Г.В. Васильев много сделал для восстановления подводного флота страны и его дальнейшего развития, однако в годы «большой чистки» был репрессирован и закончил свой жизненный путь, как и многие бывшие офицеры русского флота, в ГУЛАГе.

ГРИГОРИЙ Васильевич Васильев родился 28 декабря (10 января) 1893 года в Вятке в многодетной семье надворного советника, чиновника окружного акцизного управления Василия Серапионовича Васильева. В 1908 году он поступил учиться в Морской кадетский корпус, который окончил в 1913-м 49-м по списку, получил Золотой знак об окончании курса и приказом № 105 был произведён в гардемарины с пожалованием светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования дома Романовых.

Г.В. Васильев



Флотская служба Григория Васильевича началась на линейном корабле Черноморского флота «Пантелеймон» (бывший «Князь Потёмкин-Таврический»). После получения необходимого плавательного ценза состоялся экзамен, и 5 октября 1913 года высочайшим приказом по Морскому ведомству № 1219 Г.В. Васильев был возведён в мичманы, а чуть позже назначен флагманским минным офицером в бригаду миноносцев (БРМ) Сибирской военной флотилии, где прослужил до 1915 года и был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени.

В 1915 году Г.В. Васильева вернули на Балтику. Здесь он окончил Минный офицерский класс в Кронштадте, получил звание лейтенанта, встретил Февральскую революцию, был арестован вместе с другими офицерами, но через две недели освобождён по ходатайству команды тральщика «Проводник», которым он тогда командовал¹.

Через некоторое время Г.В. Васильев получил назначение на должность минного офицера 2-го отряда тральных сил Балтийского флота, базировавшегося в Ревеле. Здесь его застала вторая революция — Октябрьская. По словам Васильева, далее произошло вот что: «При взятии Ревеля немцами я в силу сложившихся обстоятельств не мог уйти из Ревеля вместе с кораблями и по приходу немцев был заключён в концлагерь как военнопленный. Нахо-

дясь в лагере, мне стало известно, что немецкое командование всех русских кадровых офицеров из числа военнопленных направляет в обязательном порядке в Россию для укомплектования формирующихся белых армий... Через свои немецкие связи в Ревеле жена [Зинаида Михайловна] достала мне подложный паспорт на имя Берзина Августа и разрешение немецких властей на выезд в Петроград. Вскоре после приезда я решил вернуться обратно на флот и был принят на должность флагманского минёра дивизии траления Балтийского флота, а оттуда вскоре был переведён по личному ходатайству в дивизию подлодок². Из этих слов можно заключить, что Васильев легко принял новую, советскую, власть, а та, в свою очередь, охотно приняла его.

В 1918—1920 гг. Г.В. Васильев служил в должности минного специалиста в 1-м дивизионе подводных лодок (ДПЛ) Флота Балтийского моря, участвовал в боевых действиях против интервентов. В 1920 году Григорий Васильевич окончил класс подводного плавания Специальных курсов флота и получил назначение на должность помощника командира подводной лодки (ПЛ) «Тигр». Однако на этой должности он долго не задержался. Уже в ноябре его назначили командиром минного подводного заградителя «Ёрш», которым он командовал по 1 октября 1925 года. За отличные служебные показатели Григорию Васильевичу в 1922 году было присвоено звание «Герой труда Морских сил Балтийского моря»³. Возможно, свою роль в этом награждении сыграло и то, что Васильев службу на «Ёрше» успешно совмещал с преподаванием в минном классе Высших курсов усовершенствования командного состава флота, что, конечно же, являлось признанием его высокой квалификации в области минного дела.

«ЕЖЕДНЕВНО С ФРОНТА ПРИБЫВАЮТ ЦЕЛЫМИ ЭШЕЛОНАМИ ИЗМУЧЕННЫЕ, ПОЛУЗАМЁРЗШИЕ, ЧАСТЬЮ ПОЛУМЁРТВЫЕ СОЛДАТЫ»

Аннотация. В статье на примере Пензенской губернии рассмотрены некоторые вопросы медико-санитарного обеспечения военнослужащих Красной армии во время Гражданской войны в лечебных заведениях и воинских частях Пензенского гарнизона.

Ключевые слова: Гражданская война; Пензенская губерния; сыпной тиф; медико-санитарное обеспечение.

Summary. On the Penza province's example the article deals with some issues of health-care ensuring of the Red Army's servicemen during the Civil War in the medical institutions and military units of the Penza garrison.

Keywords: Civil War; Penza province; typhus; health-care provision.

3 А ГОДЫ Гражданской войны Пензенская губерния в своих прежних границах не раз становилась и ареной боевых действий, и прифронтовой зоной. Если к этому присовокупить свирепствовавшие эпидемии сыпного тифа и холеры, распространение педикулёза и болезней, вызванных хроническим недоеданием и плохими бытовыми условиями, что являлось нормой военной поры, то можно понять, сколь велика была потребность в медико-санитарном обеспечении как военнослужащих, так и гражданского населения. Тем не менее, несмотря на все трудности, вызванные военной разрухой и социально-политическим противостоянием, губернская госпитально-больничная база со своими основными задачами в целом справилась. Кроме усилий новых властных структур, далеко не последнюю роль сыграл в этом, если можно так выразиться, медицинский задел, который имела губерния ещё до революционных событий 1917 года. Сколь много внимания придавалось в губернии вопросам здравоохранения, говорит, например, тот факт, что здесь в 1913—1916 гг. санитарным отделом Пензенской губернской земской управы издавался в количестве шести номеров в год журнал «Врачебно-санитарная хроника Пензенской губернии», чем могли похвастаться далеко не в каждом подобном регионе России.

К началу Первой мировой войны в губернии насчитывалось почти 60 больниц, 77 амбулаторий и 50 фельдшерско-акушерских пунктов, здесь трудились такие известные врачи, как

терапевт Н.А. Щепетильников, доктора медицины Д.С. Щёткин, В.К. Трофимов, терапевт Н.В. Мораховский, доктор медицинских наук хирург В.Д. Владимиров, хирург А.Ф. Соинов и многие другие высококлассные специалисты, подлинными подвижники на ниве народного здравоохранения. Это при них в городских больницах Пензы и даже некоторых уездных начали внедряться передовые технологии. Так, в губернской больнице, которая ныне носит имя Н.Н. Бурденко, ещё в 1908 году заработал первый в губернии рентгеновский кабинет, а в больнице Красного Креста (ныне Пензенская городская больница имени Н.А. Семашко) в 1913 году открылись светолечебница и нервное отделение, больница благодаря усилиям доктора медицины В.К. Трофимова получила собственную электростанцию, водопровод и канализационную систему, что позволяло ей долгое время работать в автономном режиме.

Свою медицинскую базу имели и расквартированные в Пензе и губернии воинские формирования. Кроме того, с началом Первой мировой войны военные госпитали стали разворачиваться в больницах, в других более или менее приспособленных для этого помещениях, в частности в епархиальном семинарском общежитии, в 1-й мужской гимназии, в ряде частных домов за счёт их владельцев, а также в уездных центрах, где лазареты устраивались силами Комитета Всероссийского земского союза помощи раненым воинам. Позже на их базе стали возникать уездные больницы, как, напри-

мер, в Каменке, где в 1918 году с использованием помещения и оборудования военного лазарета была создана больница на 25 коек, впоследствии ставшая центральной районной на 350 человек.

В годы Гражданской войны в Пензе насчитывалось 22 госпиталя, работали и прежние городские больницы, в которых, кроме гражданского населения, размещались и раненые или заболевшие военнослужащие. Так, в губернской больнице лечились практически все сыпнотифозные, при этом продолжали функционировать и остальные отделения. С 1917 по 1922 год здесь получили квалифицированную медицинскую помощь 55 тыс. человек. Деятельности медицинских учреждений во многом способствовали созданные в 1918 году губернский отдел здравоохранения и профессиональный союз медицинских работников.

Вместе с тем надо признать, что оказание медицинской помощи раненым и больным в годы Гражданской войны осуществлялось не просто в трудных, а порой даже в нечеловеческих, по современным меркам, условиях. Попробуем рассмотреть основные проблемы, с которыми столкнулись военные и городские власти при организации в Пензе и губернии медико-санитарного обслуживания солдат и командиров Красной армии, а также гражданского населения.

О СТРЕЙШЕЙ проблемой на протяжении всего периода Гражданской войны оставалась переполненность лечебных заведений. Так, в губернской земской больнице, теперь она

МОРСКИЕ СИГНАЛЫ В ЭПОХУ ПАРУСНОГО ФЛОТА

Аннотация. В статье на основе архивных документов и исторической литературы рассматривается развитие морских сигналов в российском Военно-морском флоте (ВМФ) до появления броненосных судов.

Ключевые слова: ВМФ; сигналы; флаги; оперативное управление; тактические действия.

Summary. On the basis of archival documents and historical literature the article considers development of maritime signals in the Russian Navy until armoured vessels' appearance.

Keywords: Navy; signals; flags; operational control; tactical actions.

ДЛЯ оперативного управления кораблями во время сражений и при проведении практической кампании, когда отсутствовали средства связи и передачи информации, какими пользуются современные моряки, существовал специфический «морской язык» — сигнализация. Ведь от правильной подачи и распознавания сигналов командующего флотом или отдельной эскадрой зависела безопасность плавания, правильность движения флотов (эволюций), слаженность действий экипажей в бою и в целом успех сражений¹. Начиная с XVII века во флотах ведущих морских держав была принята особая система кодификации приказов командующих, с помощью которой командиры судов принимали и распознавали эти приказы и при необходимости передавали их своим передним или задним мателотам (соседним кораблям в строю). Для повторения приказов в условиях плохой видимости — в тумане, в дыму и в других случаях назначались посыльные фрегаты. Они так и назывались — репетичные (от англ. repeat — повторять, репетовать).

Во второй половине XVII века французский флотоводец А.И. де Турвиль систематизировал морские сигналы и свёл их в единую сигнальную книгу (221 обозначение), в числе которых 38 передавались с адмиральского корабля во время боя. Их воспроизводили с помощью разноцветных флагов с определённым количеством номеров, вымпелов, парусов в различном положении, а также с помощью фонарей и пушечных выстрелов в ночное время. Каждому требованию и приказанию адмирала соответствовал флаг на отведённом ему месте подъёма (на мачтах и реях), а для увеличения численности номеров каждое обозначение

разделили на главы и по конкретным предметам. Например, когда корабль терпел бедствие, подавали сигналы установленным количеством пушечных выстрелов, а при необходимости лечь в дрейф, стать на якорь, поменять порядок похода (перестроиться), приготовиться к бою или преследовать противника на мачтах вывешивали соответствующие флаги.

Создавая регулярный военно-морской флот, Пётр I в феврале 1710 года также ввёл «Генеральные сигналы, надзираемые во флоте Его Царского Величества». При составлении свода обозначений он взял за основу сигналопроизводство адмирала де Турвиля. В соответствии с принятой системой дневные сигналы подавали разноцветными флагами, которые поднимали по одному (реже с вымпелом) на одной из мачт, на кормовом флагштоке или на ноке (оконечности) гота-рея. На галерах сигнальные флаги использовали в зависимости от положения судна, направления ветра, создавшейся ситуации. К примеру, если галеры шли под парусами, то несколько номеров значений делали путём различных комбинаций с парусами. Каждый сигнал сопровождался выстрелом из пушки и репетовался всем флотом (флагманами — с выстрелом, остальными — без пальбы)².

Для производства сигналов, кроме основных флагов четырёх цветов (белого, синего, жёлтого и красного), а также полосатых, «шахматных», с крестом, кружком, применяли кормовые флаги, гюйс и штандарт. Они (22 корабельных и 42 галерных, гюйсы, штандарты, вымпелы) делились на корабельные (прямоугольные) и галерные (с разрезными концами). Так, белый, синий и красный полосатый флаги, поднятые на корабельном кормовом

флагштоке, означали повеление корабельному флоту становиться на якорь.

В разгар Северной войны Пётр I поручил генерал-адмиралу флота Ф.М. Апраксину упорядочить сигналопроизводство, сделать его более удобным и понятным. В результате в 1716 году в редком печатном варианте (на русском и голландском языках) вышел соответствующий свод с «авторским указанием»³. В нём определялось более чёткое обозначение (количественное, цветовое, погодное, временное и т.п.) корабельных и галерных сигналов. В последующем он был взят за основу раздела «Сигналы Корабельные», который в 1720 году вошёл в текст главного свода законов русского флота (морской устав Петра I. 1720 г.).

Сигнальная книга содержала в себе: сигналы для стояния на якоре днём и ночью, хождения под парусами в дневное и ночное время, а также в тумане, различные позывные с корабля для галер, персонально галерным офицерам и др. В разделе «Сигналы надзираемые в случае якорного бросания, и при якорной стоянке, и в поднимании якоря», к примеру, отмечалось: «Когда Адмирал похочет, дабы флот готовился к якорному стоянию, тогда надлежит белой, синей и красной полосатой флаг заднего флагштока распустить, и один раз выстрелить. Оной сигнал на всех кораблях, имеющих флаги, таже чинить... Если кто днем пороги или мели увидит и ему надлежит оттуды поворотить, гюйсы свои распустить с большого стеньг-салинга, и выстрелить два выстрела». В ночное время и в тумане обходились чаще всего пушечными выстрелами, а их количеством определяли обусловленное значение при обязательном «показании» кормовых огней.

«ОЖИВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ ВЫЗВАНО... УХУДШЕНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СССР»

Русская эмиграция в Маньчжурии: планы вооружённой борьбы
с Советским Союзом в 1920-е годы

Аннотация. В статье на основании ранее неизвестных архивных документов рассматриваются антисоветская деятельность русской эмиграции в Маньчжурии в 1920-х годах и её планы вооружённого выступления на советском Дальнем Востоке.

Ключевые слова: эмиграция; Маньчжурия; антисоветская деятельность; советский Дальний Восток.

Summary. On the basis of previously unknown archival documents the article considers the anti-Soviet activities of the Russian emigration in Manchuria in the 1920s and its armed action plans in the Soviet Far East.

Keywords: emigration; Manchuria; anti-Soviet activities; Soviet Far East.

В августовском выпуске «Военно-исторического журнала» за 2013 год была опубликована статья Е.Н. Наземцевой об особенностях антисоветской деятельности русской военной эмиграции на Дальнем Востоке и усилиях генерал-лейтенанта А.С. Лукомского по её консолидации. В предлагаемой вниманию читателей статье журнал продолжает данную тему, рассказывая о том периоде, когда главная роль в объединении дальневосточных белогвардейских сил перешла к генерал-лейтенанту Д.Л. Хорвату.

ПОРАЖЕНИЕ белых армий в ходе Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке повлекло за собой образование в Маньчжурии значительной эмигрантской колонии. В докладе «О положении на Дальнем Востоке» от 1 июня 1927 года, составленном для Русского общевосточного союза (РОВС), говорилось, что в полосе отчуждения КВЖД и прилегающих к ней районах находилось около 20 тыс. военных, половину из которых, в случае антибольшевистского выступления, можно было снова привлечь к службе¹. Однако организация подобного выступления на тот период осложнялась рядом обстоятельств.

До середины 1920-х годов на Дальнем Востоке наблюдался относительный период затишья, связанный с дипломатическими успехами СССР в Маньчжурии и активной «советизацией» русского населения в полосе отчуждения КВЖД. Среди эмиграции царяла растерянность, у неё не было авторитетного лидера, и хотя и в самой Маньчжурии, и в полосе отчуждения действовало несколько десятков политических и общественных эмигрантских организаций, ни одна из них не имела серьёзного влияния: всё тонуло в бесконечных спорах, интригах, борьбе за приоритеты. В этих условиях большинство эмигрантов занимались элементарным выживанием. Бывший каппелевец В.А. Морозов, объясняя причины этой

политической инертности, писал в своих воспоминаниях: «Первые три—четыре года своего существования эмиграция “устраивалась”, создавала свои жизненные условия, и общественная жизнь её не интересовала. Не до того было. Эмигрантская масса, как всегда, искала покоя и хотела приносить как можно меньше жертв. Нужны были какие-то идеи и люди, их исповедующие и разъясняющие, чтобы эмиграция сдвинулась с места. А эти идеи и люди обнаружались не сразу»². К тому же подавляющее большинство жителей советского Дальнего Востока враждебно относились к белым. Генерал В.Д. Косымин считал, что нужно было сначала заручиться поддержкой населения, «привлечь в свои ряды как многочисленное офицерство, находящееся в Красной Армии, так и всю массу красноармейцев, из которых, в сущности, и должна состоять наша армия, т[ак] к[ак] своих людей у нас мало»³.

В силу этого антибольшевистская работа в Маньчжурии ограничивалась выпадами против СССР в эмигрантской прессе, распространением листовок антисоветского содержания во время праздников 1 мая и 7 ноября, а также отдельными террористическими актами и вылазками вооружённых групп на советскую территорию. Однако руководство РОВС в Париже не одобряло подобные выступления, считая их

выгодными «только для большевиков», и требовало тщательной подготовки кадров для развёрнутой антикоммунистической борьбы. Генерал-лейтенант барон А.П. Будберг в письме от 17 сентября 1925 года генерал-лейтенанту А.С. Лукомскому, уполномоченному по делам Дальнего Востока при великом князе Николае Николаевиче, ратовал за срочные меры по «сбору и сохранению уцелевших остатков сибирских белых армий», среди которых «очень много чрезвычайно ценного материала, постепенно распыляющегося и гибнущего»⁴. Успех антибольшевистской работы барон связывал с выбором главного руководителя движения, но не видел в числе оставшихся в Маньчжурии военачальников подходящего человека, который «не соприкасался бы с прежними сибирскими передерягами и вообще с ошибками белого движения»⁵.

Тем не менее претендентов на руководящую роль в деле освобождения Сибири от большевиков имелось предостаточно, в частности: Совет уполномоченных организаций автономной Сибири, Общество русских эмигрантов в Трёх восточных провинциях, Дальневосточный комитет защиты Родины, два союза казаков, Русское национальное объединение в Харбине, Комитет защиты прав и интересов русских в Шанхае и ряд других. Каждая из организаций хотела бы видеть во главе движения своего

«ПРОНИЗАННЫЕ ДУХОМ РОССИИ...»

Ученические издания кадет русского зарубежья

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации внеурочной работы по патриотическому воспитанию в кадетских корпусах русского зарубежья в 1918—1940 гг. Анализируется содержание кадетских ученических изданий, приводятся фрагменты творческих работ, которые дают представление о настроениях русской молодёжи, связанной с офицерской средой в эмиграции.

Ключевые слова: патриотическое воспитание; кадетский корпус; русское зарубежье; ученические издания.

Summary. The article discusses the features of organisation of extracurricular work on patriotic education in military schools in the Russian abroad in 1918—1940. The article analyses also the contents of cadet pupillary publications, quotes the fragments of creative works, which give an idea of the mood of the Russian youth connected with related officer environment in exile.

Keywords: patriotic education; cadet corps; Russian abroad; pupillary publications.

ОФИЦИАЛЬНАЯ история детских военно-учебных заведений в России началась в 1731 году с подписанного императрицей Анной Иоанновной по представлению генерал-фельдмаршала Б.К. Миниха именного Указа «Об устройстве Корпуса Кадетов».

За весь последующий период образовательный процесс кадетских корпусов имел целью дать воспитанникам общее образование, культурное развитие, военные знания и навыки,

необходимые для дальнейшего успешного прохождения курса военных училищ.

Всего в России за почти 200-летний период были созданы 49 кадетских корпусов, из которых к 1917—1918 гг. осталось 32. Некоторые из них были переведены за границу. Следует отметить, что, пройдя сквозь огонь Гражданской войны и оказавшись на чужбине, кадеты с честью вынесли удары судьбы, сохранили верность сложившимся традициям, приумножили славу русских военно-учебных заведений.

Сегодня неоспоримо, что педагогическое наследие русского зарубежья — это неотъемлемая часть истории образования России. За пределами Отечества была создана новая школа, не зависевшая от каких-либо партийных интересов, свободная от государственного чиновно-административного давления.

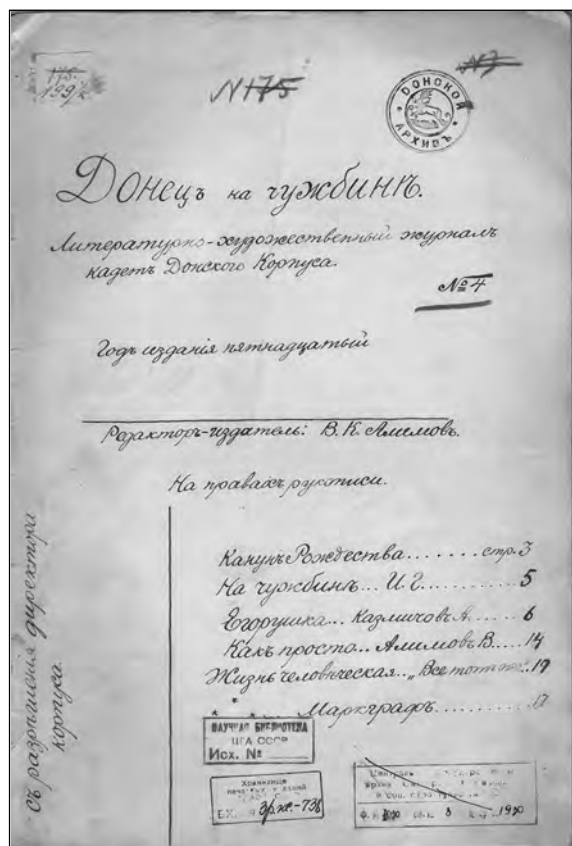
В 1920—1940 гг. на территории русского зарубежья действовали 5 кадетских корпусов: Донской Императора Александра III, Крымский кадетский корпус, Первый Русский кадетский корпус, Морской кадетский корпус, Корпус-лицей имени императора Николая II.

В условиях эмиграции и оторван-

ности воспитанников от их исторической родины педагоги считали необходимым сместить центр внимания с проблем образования на воспитательные аспекты. Так, В.В. Зеньковский указывал, что «школа прежде всего для детей есть уголок России, уголок родной и неповторимой, бесконечно нужной для души русской атмосферы. То, что в школе учат, это ныне у наших детей неизбежно стоит на втором плане; вместе с семьёй (а иногда, по эмигрантским условиям, больше, чем семья) школа является единственным русским уголком, где получает своё питание детская душа. В силу этого к школе устремлены детские сердца с такой удивительной силой, как это нормально нигде не встречается; помимо своей воли, невзирая на всю перегруженность образовательной работой, эмигрантская школа не является только учебным заведением, но стала реальным органом воспитания»¹.

Главным объектом воспитательного процесса становилась личность, творческая индивидуальность, формирование которой должно было осуществляться на основе российских традиций. Огромное значение в поддержании и развитии национального образования имела русская литература. Перед преподавателями стояла трудная задача — не только дать детям необходимый объём филологических знаний, но и привить учащимся национальные идеалы, которые в дальнейшем могли бы стать основой их мировосприятия. В условиях чужой страны, диктовавших приоритетность изучения местного языка и культуры, от чего зависело как финансирование учебного процесса со стороны национальных правительств, так и возможность

Литературно-художественный журнал кадет «Донец на чужбине»



«ПОД СЕЛОМ БОРОДИНЫМ В ГЕНЕРАЛЬНОМ СРАЖЕНИИ И ОТБИТИИ НАШЕЙ БАТАРЕИ... НА КОТОРОЙ ВЗЯТ БЫЛ ФРАНЦУЗСКИЙ ГЕНЕРАЛ БОНАМИ, КОТОРОГО Я АРЕСТОВАЛ»

Аннотация. Публикация содержит краткий рассказ о жизненном пути одного из участников Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. — Ильи Никитича Павлова.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года; Бородинское сражение; батарея Раевского; 18-й егерский полк; И.Н. Павлов; бригадный генерал французской армии Ш.-О. Бонами.

Summary. The publication contains a brief story about the life of one of the participants in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814 – Ilya Pavlov.

Keywords: Patriotic War of 1812; Battle of Borodino; battery of Rayevsky; 18th Chasseur regiment; I.N. Pavlov; Brigadier General of the French army Ch.-A. Bonamy.

Во время Отечественной войны 1812 года капитан 18-го егерского полка и бригадный адъютант генерал-майора Ф.П. Алексополя Илья Никитич Павлов участвовал в боях под г. Смоленском (6 и 7 августа*) и у сёл Беломирское (на Большой Смоленско-Московской дороге, 15 августа) и Бородино (26 августа). В Бородинском сражении 18-й егерский полк проявил себя во время схватки за батарею Раевского. Именно тогда фельдфебель 1-й гренадерской роты В.В. Золотов захватил бригадного генерала Ш.-О. Бонами, прозывавшегося де Бельфонтемом¹ (арестован И.Н. Павловым). Ш.-О. Бонами окажется единственным вражеским генералом, попавшим в плен в Бородинском сражении. Описание жизни И.Н. Павлова с формальной стороны — в представленном вниманию наших читателей документе, обнаруженном автором публикации в одном из фондов Государственного архива Вологодской области.

Документ

Прошение великоустюгского земского исправника майора И.Н. Павлова исправляющему должность военного губернатора г. Вологды и вологодского гражданского губернатора об исходатайствовании увольнения от службы и назначения в пенсioen жалованья по должности земского исправника с сохранением пенсioen, полученного при увольнении от военной службы**.

6 июля 1852 г.

В СЛУЖБУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА² поступил я Оренбургской губернии³ из солдатских детей веры православной в Верхоуральский гарнизонный батальон⁴ рядовым 1791 г., января 1 ч[исла].

За мною и родителями моими движимого и недвижимого имения не состоит, кроме имеющегося у меня в г. Устюге⁵ деревянного дома. За женою моею по последней, 9, ревизии⁶ состоит мужеского полу дворовых две души.

Чинами происходил: фурьером*** с перемещением в штаб комендантский 1792 г., сентября 22; сержантом в Верхоуральский гарнизонный батальон 1798 г., февраля 16⁷; фельдфебелем 1798 г., февраля 22; подпоручиком 1799 г., февраля 14⁸. По ВЫСОЧАЙШЕМУ приказу переведен в 18 егерский полк 1806 г., сентября 18. Поручиком 1807 г., января 3. В штабс-капитаны 1808 г., апреля 2.

* Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

** Синтаксис документа сохранён. Разбивка на абзацы авторская.

*** Так в тексте. Правильно — фурьером.

Назначен бригадным адъютантом к генерал-майору Алексополю 1809 г., февраля 25. Капитаном с оставлением при прежней должности 1812 г., мая 8. Награжден орденом Св[ятой] Анны 3 степени, а впоследствии переименованного в 4-ю с надписью «За храбрость»⁹, в сражении 26 августа 1842 г.**** при Бородине. 1812 г., апреля 1-го, переведен в Оренбургский гарнизонный полк¹⁰ 1816 г., марта 27*****. Из одного переведен в 4 линейный Оренбургский гарнизонный батальон¹¹ 1817 г., февраля 18. Уволен за ранами в отставку майором¹² с мундиром и пенсioenом полного жалованья 1826 г., марта 1-го. Принят в число кандидатов по Комитету, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденному в 18 день августа 1814 г.¹³ 1828 г., января 31. По назначению оным комитетом определен земским исправником в Верхоуральский уезд 1828 г., августа 16. Определен исправляющим должность верхоуральского городничего 1832 г., августа 24. Утвержден в настоящей

**** Так в тексте. Правильно — 1812 г.

***** Так в тексте.

должности 1832 г., сентября 30. По прошению от сей должности уволен 1835 г., ноября 30. Г. министром внутренних дел вследствие отношения Комитета, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного в 18 день августа 1814 г. определен земским исправником в Велико-Устюгский уезд 1846 г., марта 7. К отправлению сей должности вступил 1846 г., июня 24.

В походах находился: 1812 г. в пределах России 6 и 7 под городом Смоленском, 15 под селом Семлевым в действительном сражении¹⁴ и 26 чисел августа под селом Бородиным в генеральном сражении и отбитии нашей батареи¹⁵, завладевшей неприятелем, на которой взят был французский генерал Бонами, которого я арестовал, где и ранен в правое стегно¹⁶, и за отличную храбрость награжден орденом Св[ятой] Анны 4 ст[епени]; 1813 г. [...] ...нии***** до г. Бауцина, под которым мая 8 и 9 [в гене]ральном сражении со стрелками впереди находился [...] в ретиреде под местечком Рохвицами, 13 при местечке Лаубаны, 15 при городе Голдберге в действительных сражениях находился, где и ранен, и потом в ретиреде до г. Швейдниц, а оттоль до г. Данцыга, под которым июня с 13 в блокаде и при взятии оног¹⁷ находился, от коего с 31 декабря до местечка Шлохау; 1814 г., марта в 16, чрез Пруссию в Герцогство Варшавское до города Сейн, а оттоль сентября 3 в пределы российские, Курлянской***** губернии в город Тукум*****; в 1815, июня с 27 по 12 августа, чрез Королевство Польское, Силезию в Саксонию до местечка Москау¹⁸, а оттоль до границ российских, до города Полоцка¹⁹, по 16 декабря в походах находился.

Под судом находился с 7 апреля 1836 г. за наказание без суда мещанскую дочь Полетаеву розгами, за что по решению Оренбургской палаты уголовного суда, 1838 г., марта 16, состоявшемуся, сделан мне выговор с тем, чтобы я впредь на службе не позволял себе подобных поступков.

Российской грамоте и арифметике учен.

***** Здесь и далее, за исключением специально оговоренного случая, пропуск обусловлен утратой текста.

***** Так в тексте.

***** Так в тексте.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ФОРМЕННОЙ ОДЕЖДЫ СЛУЖАЩИХ РУССКОГО ФЛОТА В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Аннотация. В статье исследуются европейские истоки форменной одежды русских моряков в годы правления Петра I.

Ключевые слова: Пётр I; Великое посольство; царские зарубежные поездки; русские служивые; европейские истоки петровской флотской одежды.

Summary. This article investigates the European origins of Russian sailors' uniforms during the reign of Peter I.

Keywords: Peter I; Great Embassy; the tsar's foreign trips; Russian servicemen; European origins of Peter's naval clothing.

СОЗДАНИЕ регулярного флота в годы правления Петра I вызвало формирование отдельного воинского сословия морских служителей, которые со временем приобретали всё более значимый социальный статус. В немалой степени он подкреплялся особым, морским, мундирным платьем, что было неудивительно, учитывая стремление властей присвоить всем государевым людям, в первую очередь военным, а впоследствии и гражданским чиновникам, предназначенную только для них униформу.

Если в войсках введение нового гардероба при Петре I шло более или менее решительно, то с обмундированием определённых к службе на флоте дело обстояло сложнее. Во время предпринятой молодым русским царём поездки в Европу при Великом посольстве (1697—1698 гг.) не стеснённый рамками официального визита Пётр имел возможность не только досконально изучить корабельное ремесло, работая на голландских верфях и часто посещая английские доки, но и внимательно присмотреться к обмундированию чужеземцев. Его впечатления и наблюдения и стали, можно сказать, отправной точкой в формировании облика галерных и корабельных «служителей», а также солдат морской пехоты. Правда, ещё в 1692 году, то есть задолго до своего первого европейского вожа, для находившихся на Плещеевом озере «потешных» (37 человек), где они на практике постигали основы корабельных наук, Пётр приобрёл немецкие матросские шляпы. Через два года перед своим вторым плаванием в Архангельск он купил для себя шкиперское платье чёрного цвета, а для своих спутников заказал 18 чёрных кафтанов и башмаков, а также собольи шапки¹. Будучи в Голландии, в Заандаме, он переделался в обычную для многих жителей этого морского города одежду². Более того, для его окружения также было сшито «заандамское» платье. Надо полагать, что оно отличалось от обычных немецких кафтанов, которыми Пётр и его приближённые обзавелись ещё в Москве, в противном случае отпадала необходимость в приобретении нового

гардероба. Скорее всего, речь шла о куртках и штанах, которые носили корабельные мастеровые и матросы и в которых молодой царь и сопровождавшие его стольники работали на стапелях или сидели в городских тавернах.

В иконографии Петра I, касающейся его первого пребывания в Голландии, он нередко изображается одетым так, как одевались заандамские плотники или портовые служащие. При этом можно предположить, что на улицах или в публичных местах русский царь появлялся также в кафтане или камзоле, более соответствовавшем его статусу. Например, на полотне неизвестного голландского художника, которое датируется 1697—1700 гг., Пётр I изображён в заандамском трактире, играющим в карты, при этом одетым скорее в камзол с короткими, чуть выше локтя рукавами, подпоясанный кушаком, через плечо — широкая перевязь со шпагой.

О том, как выглядела одежда голландских моряков, можно судить по двум видам источников. Прежде всего, это вещи петровского гардероба из собрания Государственного Эрмитажа. Здесь представлено несколько образцов матросских костюмов, состоящих из достаточно просторных блуз или некоего подобия курток, которые застёгивались спереди на множество мелких пуговиц, длиной выше колен и слегка приталенных (гол. *kiel*, рус. бострок(г)), с разрезными обшлагами с тремя пуговицами, в меру широких штанов (примерно до колен или чуть ниже), чулок, башмаков с квадратными носами и шерстяной вязаной шляпы с высокой тульей и не очень широкими полями³. Бостроки могли отличаться некоторыми частностями, например длиной, количеством пуговиц и пр., однако в целом покроем оставался неизменным.

Другой вид источника, по которому можно судить о разнообразии цветов и собственно одежды голландских моряков, — богатая иконография (живопись и графика), частично имеющаяся в Государственном Эрмитаже, но в основном представленная в Лувре, а также музеях Нидерландов и Бельгии. Обращают на себя внимание матросы

на палубах военных и гражданских кораблей и судов. По большей части нижние чины одеты примерно так же, как и Пётр во время пребывания в Заандаме⁴. Однако некоторые представлены облачёнными в своего рода куртку камзольного типа, в которой русский царь изображён играющим в карты на вышеупомянутом полотне. Голландские «марины», виды кораблей, шлюпок и парусников разных классов передают насыщенный красками колорит морских сюжетов, составной частью которых, хотя, может быть, и не главной, являются сцены, где действующими лицами выступают гребцы на вёслах, марсовые на мачтах, офицеры на палубах. Очевидно, что не только бостроки и камзолы были основной морской одеждой тех, кто плавал под трёхцветным флагом Нидерландов. На полотнах видны матросы в кафтанах, камзолах, а некоторые и в блузах разных цветов. Штаны также отличались определённым разнообразием, хотя все они были относительно широкими, чтобы не стеснять движения при работе с такелажем. Чулки и галстуки видны не очень отчётливо, хотя их наличие безусловно предполагается. Что же касается головных уборов, то здесь доминируют шляпы с высокой тульей и полями разной величины. Кроме того, встречаются и шляпы классические треугольные, которые носили офицеры. Что же касается морской пехоты, то Пётр обратил внимание на находившихся на палубах кораблей солдат, одетых в тёмно-серые кафтаны с широкими тёмно-синими обшлагами, имевших такого же цвета чулки, башмаки, коричневые или чёрные, с пряхами; в качестве головного убора им служила широкополая шляпа с низкой тульей, также коричневая или чёрная⁵.

О регламентации форменной одежды в голландском флоте едва ли можно говорить однозначно. Во всяком случае, на палубах кораблей, изображённых на «маринах», видны матросы, одетые в бостроки определённых цветов. С другой стороны, известно, что жёсткая цветовая гамма флотского мундирного платья не устанавливалась.

Отсутствие регламентированного обмундирования было характерно и

ПОХОРОНЫ МУНДИРА

Аннотация. В статье рассказывается о преобразованиях в кавалерийских частях русской армии, предпринятых Александром III, и неоднозначном отношении к этому гусарских и уланских офицеров.

Ключевые слова: гусары; уланы; драгуны; русская кавалерия; военное обмундирование.

Summary. The article tells about the changes in the cavalry units of the Russian army, taken by Alexander III, and ambivalence position about this from the side of hussar and lancer officers.

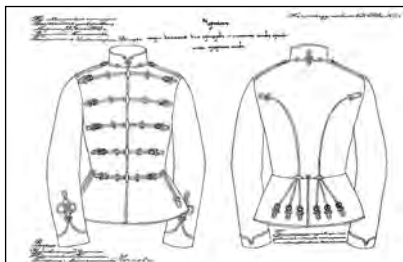
Keywords: hussars; lancers; dragoons; Russian cavalry; military uniforms.

ВСТУПЛЕНИЕ на престол Александра III (1845—1894) ознаменовало новую эпоху в истории отечественных Вооружённых сил. В рескрипте на имя нового военного министра генерал-лейтенанта П.С. Ванновского император писал: «Отечеству Нашему, несомненно, нужна армия сильная и благоустроенная, стоящая на высоте современного развития военного дела, но не для агрессивных целей, а единственно для ограждения целостности и государственной чести России»¹. Кто сегодня не подлишется под этими словами?! Но слова словами, а на деле они стали как бы символом проведения не популярных в армии реформ («контрреформ»), которые впоследствии отрицательно сказались на общей подготовке и боеспособности войск.

Особенно же остро начавшиеся преобразования были встречены в кавалерии. Вот как описывал эти события будущий военный министр В.А. Сухомлинов, в то время полковник, решивший вернуться с кабинетной академической службы в строй — на должность командира Павлоградского полка, так называемых Шенграбенских гусар², чтобы ближе познакомиться с жизнью провинциального гарнизона, его особенными порядками и законами.

«Когда я явился к военному министру генерал-адъютанту Ванновскому, — вспоминал Сухомлинов, — мне пришлось выслушать такой горький реприманд полку:

Чертёж покроя доломана офицеров и нижних чинов армейских гусарских полков. Слева вверху надпись: «Высочайше утверждено 29 марта 1908 г.» Слева внизу: «Верно. Управляющий делами Технического комитета генерал-лейтенант Нечаев»



— Имейте в виду, что вы получили полк, который позволил себе демонстрацию, устроив парадные похороны гусарского ментика³. Постарайтесь взять драгунский полк в руки!»⁴.

Здесь, пожалуй, следует пояснить, как гусары оказались драгунами. В соответствии с приказом № 260 от 13 июля 1882 года все армейские уланские и гусарские полки были преобразованы в драгунские⁵. Вдохновителем «драгунской реформы» считается канцелярский теоретик генерал Н.Н. Сухотин (профессор Академии Генерального штаба, впоследствии её начальник), давно потерявший связь с армейской средой. По его мнению, наличие в кавалерии гусарских и уланских полков являлось просто «мальчишеством». Исследуя кавалерийские рейды периода гражданской войны в Америке, он пришёл к выводу о необходимости преобразования всей русской кавалерии на драгунский лад. Предписано было усиленно заниматься пешим строем и стрельбой, в значительной степени заменившими кавалерийскую выучку. При этом генерал прошёл мимо собственного, значительно более поучительного опыта действий русской кавалерии периода Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Мода на «американские ковбои» привела и к упразднению пики, оставленной лишь в казачьих частях. Сухотин утверждал, что при кратком — всего шесть лет — сроке службы невозможно научить кавалериста владеть этим тяжёлым и неудобным оружием — пережитком старины, неуместным в век прогресса техники. На лошадь стали смотреть не как на первое и главное оружие кавалериста, а только как на средство передвижения. Отсутствие истинно кавалерийского руководства, считал А.А. Керсновский, привело к рутине, отлично уживавшейся с поверхностным новаторством на американский образец⁶.

Тем не менее упразднение улан и гусар состоялось, а в октябре 1882 года все драгунские полки получили новую форму: мундир без пуговиц (полукафтаны, цветные кушаки, широкие шаровары); барашковая шапка с цветным доньшком и тёмно-зелёная фуражка с цветным око-

лышем; сабли заменили шашками на плечевой портупее, а пики вообще упразднили.

Вот «демонстрация» павлоградцев и была направлена против этих нововведений, прежде всего против новой, «мужицкой», как её сразу окрестили офицеры, формы одежды. Полком тогда командовал Владимир Иванович Ершов⁷ — человек неординарный, смесь старого николаевского служаки и взбалмошного «бурбона». Когда всю кавалерию свели в драгунские полки, Ершов собрал своих офицеров и предложил похоронить гусарский мундир, поскольку теперь не стало самих гусар.

И действительно, похоронили честь честью. Изготовили гроб, обили газетом с лентами и кистями и положили внутрь венгерку с чакчирами, ментик, шапку, сапоги гусарские и саблю. В похоронах участвовал весь полк в конном строю. Гроб поставили на катафалк и под звуки похоронного марша проводили его до кладбища, где под ружейный салют опустили в могилу. За эти «кошунственные похороны» Ершова уволили в запас⁸.

Впрочем, подобное расставание гусар со своими, теперь ставшими ненужными, мундирами имело место и в других полках, что, естественно, вызывало болезненную реакцию военного руководства⁹. Тем не менее нежелание бывших гусар носить «мужицкую» одежду приняло почти открытый характер. Действительно, новая форма весьма напоминала покроем крестьянской повседневной одежды и не приобрела авторитета в армии, тем более в кавалерии. Хотя вводилась новая форма из благих намерений: для достижения единообразия, удобства массовой подгонки при мобилизации, а главное — дешёвизны, она не отвечала даже минимальным требованиям военной эстетики. Армейское офицерство свою форму не любило, а солдаты перед уходом в запас шили себе фантастическое обмундирование, представлявшее обыкновенно смесь форм эпохи Александра II¹⁰.

Сведение всей кавалерии в драгунские полки и переодевание их в новую военную форму в определённой степени послужило поводом, если уж не причиной, массового

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Редакцией выявлены случаи предоставления нашими авторами рукописей одних и тех же статей, в том числе ранее опубликованных, одновременно в несколько научных журналов.

Редакция «Военно-исторического журнала» ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, что в дальнейшем при выявлении подобных фактов сотрудничество с авторами этих рукописей будет ПРЕКРАЩЕНО, а сведения о них направлены в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) Министерства образования и науки РФ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВИЛОВ Роман Сергеевич — младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, кандидат исторических наук (г. Владивосток. E-mail: avilov-1987@mail.ru)

АЛПЕЕВ Олег Евгеньевич — научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва. E-mail: oalpeev@yandex.ru)

БАКЛАНОВА Ирина Семёновна — доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации, кандидат исторических наук, доцент (Москва. E-mail: bairs777@mail.ru)

БЕЙ Евгений Васильевич — капитан, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: evgeniibey@yandex.ru)

БЛИЗНИЧЕНКО Сергей Сергеевич — доцент кафедры транспортных сооружений Кубанского государственного технологического университета, кандидат технических наук (г. Краснодар. E-mail: flagman.flota@yandex.ru)

БОЧАРОВА Анастасия Леонидовна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru)

ГРЕБЕНЩИКОВА Галина Александровна — заведующая лабораторией истории флота и мореплавания Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: inversiya@bk.ru)

ДАНЧЕНКО Владимир Георгиевич — старший научный сотрудник Государственного музея Эрмитаж, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: geraldan@mail.ru)

ЕГОРОВ Владимир Григорьевич — советник губернатора Калининградской области, адмирал в отставке, кандидат военных наук (г. Калининград. Тел.: 7-906-238-50-70)

КОВАЛЁВ Сергей Николаевич — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: milhistory@yandex.ru)

КОРЯКОВЦЕВ Алексей Анатольевич — профессор кафедры строительства и применения ВМФ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: rtm6711989@yandex.ru)

КРЕТИНИН Геннадий Викторович — руководитель Балтийского регионального информационно-аналитического центра Росийского института стратегических исследований, профессор Балтийского федерального университета имени И. Канта, полковник в отставке, доктор исторических наук, кандидат военных наук (г. Калининград. E-mail: baltrisi@baltnet.ru)

КРОТОВА Мария Владимировна — доцент кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (СПбГЭУ), кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: mari_krot@mail.ru)

МЯСНИКОВ Вадим Павлович — старший преподаватель кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета (г. Вологда. E-mail: common@uni-vologda.ac.ru)

ПОЛЕЩУК Константин Константинович — старший научный сотрудник ГБУК «Музейное объединение "Музей Москвы"» (Москва. E-mail: konstantpol@mail.ru)

ПОЛЯКОВ Роман Юрьевич — начальник кафедры Пензенского филиала Военной академии материально-технического обеспечения, полковник, кандидат технических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Пенза. E-mail: r.u.polyakov@mail.ru)

РУДОЙ Владимир Викторович — преподаватель Военного учебно-научного центра Военно-морского флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова» (филиал в г. Калининград), капитан 1 ранга в отставке, кандидат военных наук (г. Калининград. E-mail: K-497 rvv@mail.ru)

САМОХИН Андрей Владимирович — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Хабаровского филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, кандидат исторических наук (г. Хабаровск. E-mail: samohin.a.v@mail.ru)

СЕЛЕДЦОВА Валентина Николаевна — заведующая кафедрой русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны ВС РФ имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского, кандидат педагогических наук, доцент (г. Смоленск. E-mail: seledsova@rambler.ru)

СОПИН Юрий Григорьевич — профессор Военного учебно-научного центра Военно-морского флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова» (филиал в г. Калининград), капитан 1 ранга, доктор военных наук, доцент (г. Калининград. E-mail: sopin_62@mail.ru)

СУРЖИК Дмитрий Викторович — научный сотрудник научно-исследовательского центра (научного руководителя фундаментального многоотомного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов») Военного университета МО РФ (Москва. E-mail: dimsu@inbox.ru)

ТАШЛЫКОВ Сергей Леонидович — доцент кафедры военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга в отставке, доктор исторических наук (Москва. E-mail: stashlykov@yandex.ru)

ТОПОРКОВ Владимир Михайлович — профессор Академии ФСБ России, генерал-майор запаса, кандидат юридических наук, доцент (Москва. E-mail: glory213@rambler.ru)

ЩЕРБА Александр Николаевич — старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: a.n.sherba@mail.ru)

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объёмом не более одного авторского листа, набранного в Word через два интервала с постраничными сносками и конечными ссылками на использованные источники. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Материалы, опубликованные в периодической печати, а также в Интернете, редакцией не рассматриваются.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку, о результатах рецензирования не сообщать, рукописи не возвращать. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

«Военно-исторический журнал» публикует лишь те материалы и документы, в которых имеются почтовый адрес автора, учёная степень, учёное звание, номера телефонов, указаны полностью его должность, фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — воинское звание, данные паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования. Авторы должны предоставить краткую аннотацию на свой материал и ключевые слова на русском и английском языках.

Присланные в редакцию материалы и электронные носители авторов не возвращаются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97.

Адрес редакции для переписки:
119160, Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38Д,
редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 693-57-45;
8-906-751-06-97
E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Сдано в набор 16.05.2014
Подписано к печати 18.06.2014
Формат 60x84/8.

Тираж экз. Зак. №
Регистрац. № 01978 от 30.03.1992

Журнал издаётся ФГКУ «Редакционно-издательский центр» Министерства обороны Российской Федерации 119160, Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Д. Тел.: 8(495)693-58-68

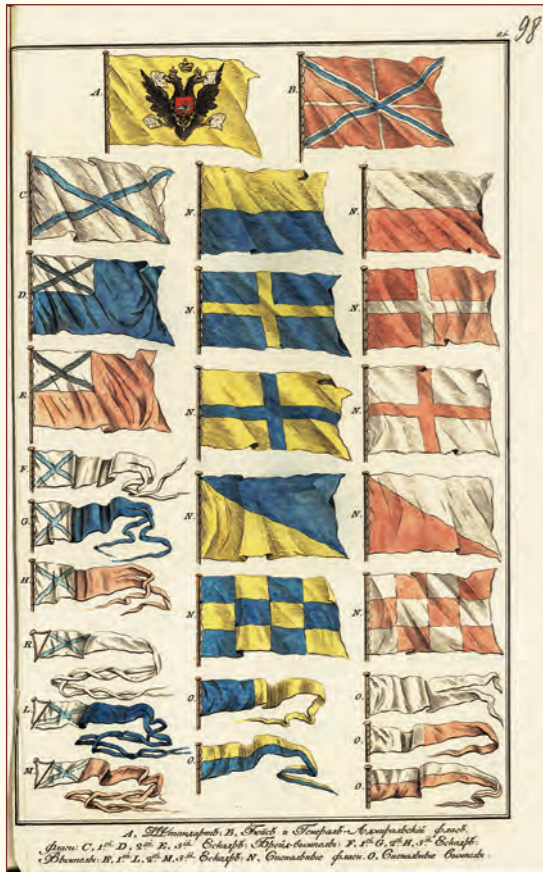
Отпечатано
в ООО «Красногорская типография»:
143400, Московская область,
г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2

Цена свободная

© «Военно-исторический журнал», 2014

Материалы, присланные в редакцию, рецензируются членами редакционной коллегии «Военно-исторического журнала».

РАЗВИТИЕ МОРСКОЙ СИГНАЛИЗАЦИИ



ШИРОКОЕ применение морских парусных судов в мирное и военное время заставило многие страны использовать на мачте флаг своей державы для опознавания на море. Но требовалось также поддерживать связь в море между кораблями и управлять силами в морских сражениях. Со временем на кораблях для этих целей стали вводиться в обращение сигнальные флаги и вымпелы.

Например, в «Морском Уставе» Петра I 1720 года предусматривались 54 сигнальных флага и 14 вымпелов для подачи сигналов кораблям с целью управления ими. Сигналы имел право давать корабль генерал-адмирала флота. Значения сигналов, подаваемых этими флагами, менялись в зависимости от места подъема, сочетания с другими флагами, стрельбы из пушек, барабанного боя. Офицерам и сигнальщикам приходилось запоминать флаги по их описанию. Никакой нумерации или обозначения они не имели.

Постепенно развилась сложная сигнальная система, которая используется и на современных морских судах.

В статье Г.А. Гребенщиковой «Морские сигналы в эпоху парусного флота» на основе архивных документов и редкой литературы рассматривается развитие морских сигналов в российском флоте до появления броненосных судов. Подробно изложены различные виды сигналопроизводства, их значение в системе боевого управления парусного флота и в общей системе его жизнеобеспечения.

Опознавательные морские флаги и вымпелы

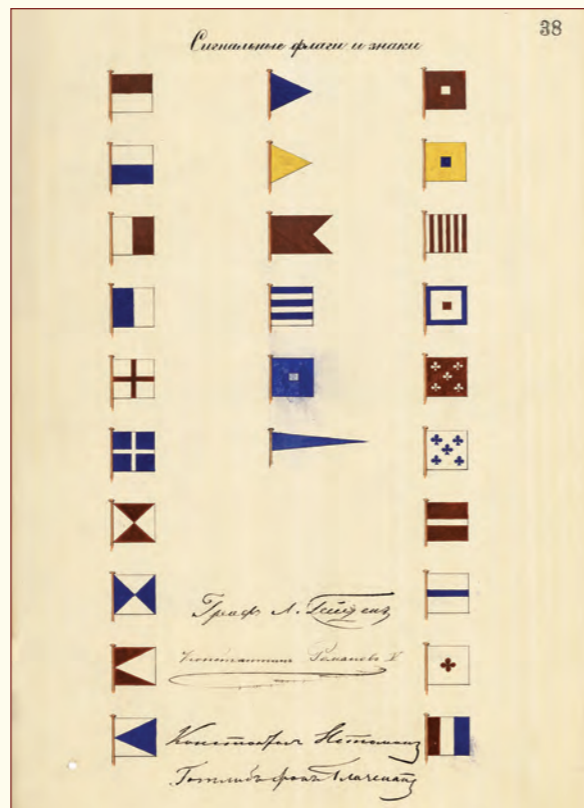
Страницы книги со специальными знаками

13

Флаги и вымпелы имеющие особенное значение.

флаги	на каких высотах	Значения	сп. висор.
	на грот-брам-спенгах	Начать Богослужение. Съ пучетнымъ застреломъ означитъ бысть Благодарственному молению.	
	видѣе флосу.	Приготовительный. Если сей флагъ поднятъ съ сигналомъ, и по отбитіи оный и сигналъ спустится внизъ, то приготовиться къ исполнению сигнала. Буде же приготовительной Флагъ спустится, а сигналъ останется, то корабль, которые видѣли и отбили на сигналъ, тотъ часъ должны, не спуская оный, при спустѣ къ исполнению оного.	
		Не смотря на движеніи Адмирала, флоту бытъ въ прежнемъ положеніи.	20
		Колоннамъ или эскадрамъ дѣйствовать каждой самой по себѣ независимо отъ прочихъ.	21

флаги и вымпелы, означенные в кресте, означаютъ: Мобильный, Приготовительный. Не събивать адмирала, только въ исключительныхъ случаяхъ.



Поднятие флага при Трафальгаре
Художник Т. Дэвидсон
National Maritime Museum, Greenwich, London



Современные сигнальные флаги на кораблях



Смотр Балтийского флота Николаем I на пароходе «Невка» в 1848 году
Художник А.П. Боголюбов, 1850–1860-е гг.

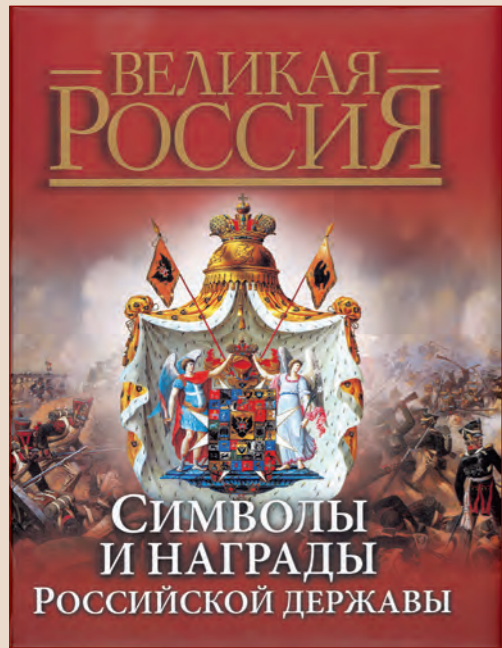


Читайте в номере

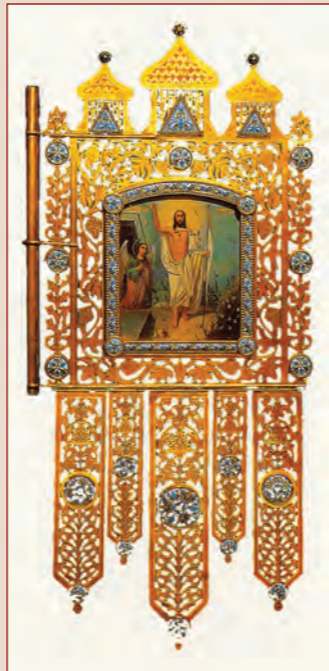
РОССИЙСКИЕ СИМВОЛЫ И НАГРАДЫ

ВЕЛИКОЛЕПНО иллюстрированное издание книги «Символы и награды Российской державы»* подробно рассказывает, как со сменой эпох менялась и создавалась государственная символика нашей страны: герб, флаг, гимн — главные отличительные знаки суверенного государства. Значительное место в книге уделено символике Москвы.

История развития наградной системы нашего государства подробно и интересно представлена с XVII до XXI века. Современные награды сопровождаются подробным описанием — с текстами статуты орденов и положений о медалях и почётных званиях. За боевые подвиги и верную службу на благо России отмечали самых достойных граждан. Имена многих из них приведены в книге. Книга является значимым раритетным подарочным изданием для всех читателей, изучающих историю России.



Обложка книги



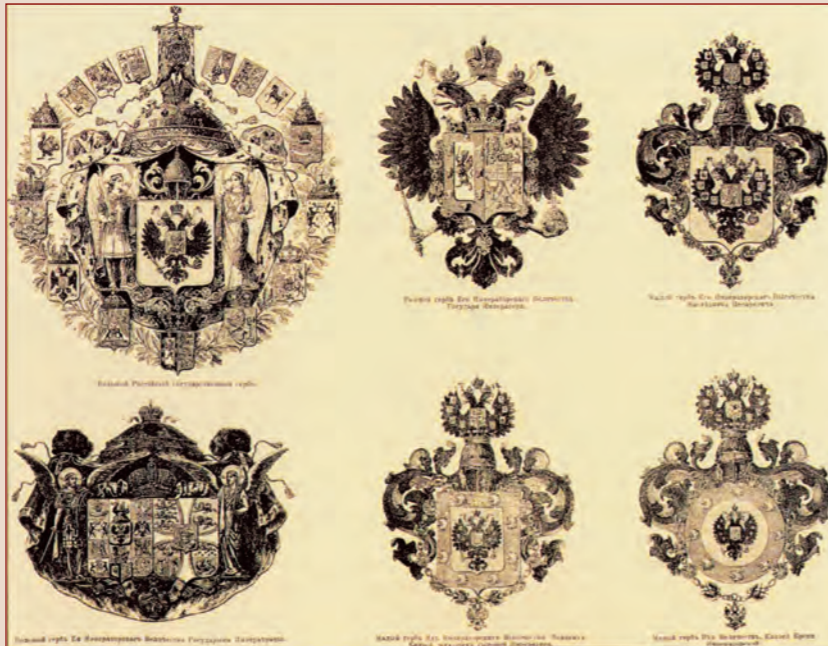
Хоругвь Россия. Начало XX в.

Герб СССР 1956 г.



Герб РСФСР

Большой Государственный герб Российской империи и гербы членов императорского дома, 1882 г.



Орден Белого орла



* Базалин В.Н., Кузнецов А.А., Сивова Н.А., Соболева Н.А. Символы и награды Российской державы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 448 с., ил.

«РУССКИЙ ФЛОТ ВПЕРВЫЕ»

К 300-летию победы русского флота над шведами у мыса Гангут



Сражение при Гангуте 27 июля 1714 года
Художник А.П. Боголюбов, 1877 г.



КВЕСНЕ 1714 года южная и почти вся центральная части Финляндии были заняты русскими войсками. Чтобы окончательно решить вопрос о выходе России к Балтийскому морю, которое контролировалось шведами, требовалось нанести поражение шведскому флоту. 26–27 июля (6–7 августа по новому стилю) 1714 года молодой Балтийский флот у полуострова Гангут (Ханко) одержал победу над одним из сильнейших флотов Европы. Она стала одним из самых значимых военных событий кампании 1712–1714 гг. Русские захватили все корабли противника.

Победа при Гангуте произвела огромное впечатление в Европе и была торжественно отмечена в стране. В Санкт-Петербурге состоялась морская парад на Неве и торжественное шествие победителей. Сенат постановил наградить всех участников Гангутской победы медалями, на которых была выбита надпись: «Русский флот впервые». Петр I, проявивший незаурядные способности флотоводца, получил чин вице-адмирала. На берегу у Рилакс-фьорда поставлен памятник героям Гангутского сражения. В 1914 году была выпущена медаль «В память 200-летия морского сражения при Гангуте».

В соответствии с Законом РФ № 32-ФЗ от 13 марта 1995 года годовщина этой победы отмечается 9 августа как День воинской славы России.



Наградные офицерская и солдатская медали за сражение при Гангуте 27 июня 1714 г.

Гангутское сражение
Гравюра М. Бакуа



Памятник у Рилакс-фьорда



ОСОБОЕ «МОРСКОЕ» МУНДИРНОЕ ПЛАТЬЕ



РАЗВИТИЕ морского дела характерно для большинства петровских реформ. Поездка в Европу в 1697–1698 гг. дала возможность молодому царю «настоящим образом» досконально изучить корабельное ремесло, работая на голландских верфях и посещая английские доки. Этот опыт послужил отправной точкой и в формировании облика галерных и корабельных «служителей», а также солдат морской пехоты русской армии.

В собрании Государственного Эрмитажа представлены вещи петровского гардероба и несколько образцов матросских костюмов того времени.

Подробно о создании и развитии флотского гардероба для матросов читайте в статье В.Г. Данченко «Европейские истоки форменной одежды служащих русского флота в начале XVIII века».

Читайте в номере

Командир среднего звена шведского флота
Художник А.П. Шпак



Английский матрос, вторая половина XVII века
Художник А.П. Шпак

Голландский бастрог Петра I, конец XVII в.

Пётр I в Голландии, 1697 г.

